

Федора Яшина
Богоубийцы

или «Колдуй баба, сказал дед, доставая пистолет...»

Федора Яшина Богоубийцы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11641256

ISBN 978-5-4474-1986-8

Аннотация

Тайная организация планирует крупномасштабную акцию. Для реализации акции мобилизуются все имеющиеся силы. Несколько активистов организации вынуждены участвовать в жестоком преступлении. О переживаниях этих несчастных, о любви, о дружбе и предательстве на фоне происходящих событий рассказывается в этой книге. Книга номинировалась на соискание литературной премии «Большая Книга» в 2010 году.

Содержание

Трое серьезных мужчин. Фрагменты 1 и 2	8
Колян	13
Лора	23
Митька	40
Петр	50
Колян	55
Лора	61
Колян	78
Митька	88
Петр	98
Колян	116
Митька	119
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Богоубийцы или «Колдуй баба, сказал дед, доставая пистолет...» Федора Яшина

*– Как вы смели на них руку поднять?!
– Я человек, – снисходительно улыбаясь,
ответил Николай, – я смею всё...*

© Федора Яшина, 2015

Корректор Светлана Фомина

Продюссер Яков Федяков

Компьютерная верстка Елена Чернышова

В оформлении обложки использована картина 1761 г.

Карл Ванлоо (1705–1765) «Амур, стреляющий из лука»

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Перед тем как начать вести свой блог, сразу скажу, что с этой историей я уже знакома. От начала и до самого конца. А вот вы нет. Даже если уверены в обратном. Ознакомившись с ней, вам, возможно, захочется сказать, что слишком много грязи я тут наваяла, однако речь тут не о грязи. Главное,

о чем я хочу рассказать, – это о любви. О любви, которая, несмотря на ситуацию, в которой она зародилась, и окружение, в котором развивалась, была чиста и глубока, как и положено такому великому чувству. Конечно, я не Лев Толстой и мой блог это не роман «Война и мир», потому и любовь, и войну у меня не получилось разделить столь хорошо, как у классика. У меня всё переплелось – и война, и любовь, потому что так и было на самом деле.

Кое-что из описанного мною здесь я слышала непосредственно от участников событий, а что-то до меня дошло, прямо скажем, магическим путем, но тем не менее это всё правда.

Конечно, вы тоже кое-что знаете, по крайней мере уж точно слышали об этих событиях. Если по какому-то невероятному стечению обстоятельств вы по-прежнему не в курсе, то это еще лучше, потому как моя история практически из первых рук и вы будете знать правду, а не ту ерунду, которую пытается навязать доверчивому обывателю наше «уважаемое» правительство.

Последствия этих событий коснулись всех, даже тех из нас, кто не придает значения переменам, что произошли в мире (я знаю, такие есть), и не верит. Именно поэтому я считаю своим долгом предать огласке материалы, оказавшиеся в моих руках. Мне кажется, я должна рассказать об участниках событий, о тех, чьими руками ковалась победа, как принято говорить в подобных случаях. И я это сделаю, несмотря

на то что мне чертовски страшно.

Мой муж говорит, что мне не стоит этого рассказывать. Может быть, он прав и не нужно, чтобы все эти мелочи стали доступны общественности. Но кто-то же должен рассказать правду! Люди, спасшие нас, достойны того, чтобы о них ска-зали правду.

Впрочем, что касается моральной стороны, то я не увере-на, быть может, такую правду действительно стоит умолчать.

Но мне захотелось. Тем более что материал этот накопил-ся и уже превратился в ношу. Пока не выскажусь – не успо-коюсь. Это как навязчивая идея. Я это понимаю, но и терпеть больше не буду – расскажу и вздохну спокойно.

То, о чем я тут расскажу, лишь однобокий взгляд на про-исходившее. История одной лишь группы участников. Как было в других группах, мне неизвестно. Однако так уж случи-лось, что именно эти ребята сделали самую главную работу. Именно на их долю выпала главная цель. Сейчас все участ-ники этой группы представлены к званию героев. Я слыша-ла, в городе Нижневартовске им даже памятник собираются ставить. Но всё ли было так идеально, как нам представляют официальные власти?

Они говорят, что это была «отлично подготовленная и организованная группа из прошедших спецподготовку агентов». Представители властей утверждают, что это они столь гениально спланировали и грамотно провели операцию. Но так ли это было на самом деле? Если вам интересно, вы всё

узнаете из моего рассказа.

Однако отмечу, что я не собираюсь выступать разоблачительницей существующего режима. На него мне плевать. Мне просто хочется показать, что наши герои были не бездушными истребителями и фанатиками, какими их часто представляют.

Нет, вы не подумайте, я вовсе не собираюсь принизить значение их деяний. Ни в коем случае. Однако, исходя из известного мне, я заключаю, что все они были обычными людьми, перед которыми стоял нелегкий выбор. Они знали, на что шли, но сомневались до самого последнего момента. Я расскажу вам, как это было, пока время не стерло то, что я помню и знаю, пока это знание не получило новое трактование.

Свою роль в деле я буду опускать – не хочу, чтобы кто-то подумал, что я хочу подмазаться к героям. Ни в коем случае не хочу. Да и не делала я ничего. Смотрела только и слушала.

Начну свое повествование с истории, в которой идет речь о трех странных персонажах. Эти персонажи, как видно, являлись вдохновителями и организаторами всего того, о чем пойдет речь ниже. Фрагментов с их участием у меня всего три. Два из них я приведу прямо сейчас, а третий, может быть, после, ближе к концу.

Трое серьезных мужчин.

Фрагменты 1 и 2

Трое серьезных мужчин лет пятидесяти, в дорогих костюмах, с обремененными государственными заботами лицами сидели в просторном кабинете с тяжелой солидной мебелью.

Держались они ровно. Разговаривали спокойно. Заседали уже второй час и за это время успели о многом переговорить и многое решить. Наконец все вопросы были обсуждены и решены. Каждый заглянул в свои бумаги, проверяя, не было ли забыто что-нибудь важное.

Наконец, тот, что задавал тон всей беседе, произнес:

– Что ж, вроде все темы исчерпаны. Так?

Остальные согласно кивнули.

– Тогда последний вопрос. Не важный и не скорый, но любопытный, – он сделал короткую, но интригующую паузу и с улыбкой продолжил: – Главный желает организовать эксперимент по примеру «Биржи», – он многозначительно посмотрел на собеседников. – Однако на этот раз уклон должен быть другим. С экономикой всё понятно. Теперь основная задача проверить способность населения участвовать в совершенно безумных затеях, связанных с экстремизмом. Нужно понять, до какой степени можно нести чушь и при этом поставить под ружье народ. К следующей нашей встре-

че необходимо придумать эту самую бредовую идею. Лучше придумать несколько и запустить одновременно. Уверен, какие-то из них не сработают, но хотя бы одна должна выстрелить. Нужно вдохновить этой бредовой идеей какого-нибудь хрена и сколотить вокруг него инициативную группу. Или же вообще, для наилучшего эффекта дать ему самому сколотить. Чтобы проследить, как всё будет происходить с самого начала. Мы только поддержим для раскрутки. Ну, да вы всё понимаете. Всё так же, как и в «Бирже» было.

– Если связано с экстремизмом, то концовку нужно делать иную. «Биржа» закончилась, а народ до сих пор увлеченно просаживает деньги в игровых автоматах и на всевозможных интернет-биржах. Необходимо сделать так, чтобы этот новый эксперимент так же стихийно не вылился на улицы после своего окончания. Последствия будут другие.

– Да, разумеется. Тут нужно подойти более основательно. Потому что, видимо, без фактических жертв не обойтись. И концы придется зачистить под ноль. И вообще, сам по себе этот эксперимент гораздо более серьезен и затратен. Потому и говорю, что всё нужно хорошо продумать. В случае необходимости возможна даже его локализация. Возможно, даже мобильная локализация. В общем, полномочия у нас широкие, так что думайте. Привлеките к этому делу лучших ребят. При необходимости даже снимите их для поставленных целей с других дел. На время. Для консультаций. Но чтобы без вреда, – он улыбнулся. – В общем, сами разберетесь. Я

мысль вам подкинул. На следующей встрече обсудим уже ваши идеи.

Следующий фрагмент, где упоминаются эти серьезные господа, описывает их встречу, произошедшую почти месяц спустя. Разговор о новоиспеченном эксперименте зашел так же, как и в предыдущий раз, в самом конце. Как будто они сознательно оставляли его на сладенькое.

– Резюмируя проведенную работу, связанную с подготовкой к новому эксперименту, сообщу, что основная тема найдена. Тема не только бредовая, но и интересная, а возможно, даже полезная. Инициатор развития событий определен. Человек этот неординарный, прямо скажем, не без способностей и в некоторой мере даже опасный. Для наибольшего эффекта есть предложение провести с ним дополнительную подготовку с целью углубить его знания именно в вопросах, связанных с идеями эксперимента. Чтобы он, так сказать, соответствовал заданной теме и своему образу.

– А кто он такой? Где вы его взяли?

– Это бывший сектант. Более того, создатель секты. Слабенькой секты, но в том и преимущество. Неудовлетворенные амбиции и прочее. Более того, у них там произошел переворот. Его попытались сместить из-за подозрения в причастности к службе дьяволу. Общество раскололось, секта закрылась. Действительно, наш инициатор обладает некоторыми навыками гипноза и даже примитивной магии. Сейчас

находится в нашей клинике. Есть возможность преподнести ему всё в таком виде, что он будет думать, будто это действительно его собственная идея.

– Ну что ж, с деталями я ознакомился. Мне нравится. Подозреваю, что от этого даже польза обычным людям будет. Подчистим ряды не только паразитов общества, но и дураков. Начинайте работать с этим... как его зовут?

– Карл.

– Неплохое имя для возмутителя человеческого разума.

– Нет, до Маркса ему далековато.

Все трое засмеялись.

– Посмотрим.

Мой муж запрещал мне говорить, что у меня есть что-то про этих трех мужиков, а когда увидел, что я всё же опубликовала их на страницах блога, то назвал меня конченной душой. Сказал, чтобы я о детях подумала, а на следующий день, наконец, поставил в квартире входную железную дверь. Смешной он у меня. (

На самом деле, я тоже не хотела о них говорить, потому что планирую рассказать именно о своих друзьях. А эти трое к ним не относятся. Поэтому давайте всё же считать, что это было что-то вроде вступления, пролога, а настоящую историю я начну только сейчас. И начну с Коляна. Потому что он первый «запачкался». Могла бы, конечно, и с Митьки на-

чать, но хоть он и был в организации даже раньше Коляна, но всё же его долго держали в неведении. Ну и вообще, мне показалось, с Коляна будет интереснее.

Колян

Я, конечно, проспал. Кто-то скажет, невероятно проспать, когда ты должен идти и грабить банк. Кто-то скажет, что, пожалуй, и уснуть-то невозможно. Однако для меня невозможного нет. Вечер был бурный.

Сначала заваливается этот всемогущий козел Гурам со своим дичайшим предложением, затем притаскивает сюда еще и новоиспеченного подельника. Естественно, после их ухода я нажрался.

Зачем мне всё это? Почему я такой нюня? Это интересно. Гурам даже пистолет мне не доверил. Отдал его сопляку. ...Я проспал. Но это еще не смертельно. Как только я понял, что проспал, мгновенно сорвался с постели и бросился в ванную. Так резво сорвался, что даже не сразу осознал, что у меня жесткий отходняк.

Зашел на кухню, чтобы чего-нибудь съесть на завтрак, заглянул в холодильник и понял, что ничего съесть не получится. Кофе, кофе и только кофе. Три ложки со здоровенными горками на чашку. Немного сахара, всё это залил кипятком. Через минуту туда же холодной воды и сразу в пасть. Залпом.

...В глаза бросается бутылка с недопитыми ста граммами. Как она уцелела, непонятно. Выпиваю.

И сразу одеваться. Уже надел штаны, рубашку.

Зазвонил телефон.

– Всё. Я выехал, у меня «волга». Черная.

– Я тоже вышел, но никто не останавливается. Перезвоню, как сяду.

Повесил трубку, натянул куртку и быстро в зал. Уселся в кресло, вытащил из кармана пакет с порошком. Наркотики – плохо. Я знаю это и на их счет не обольщаюсь. Потому как попадаю из-за них постоянно. Банк грабить опять же не просто так еду, от нечего делать. Деньги мне не нужны. Всё это наркота. Наркота и бухло.

Дорожку соорудил быстро. Трубочку скрутил еще быстрее. Вдохнул и помчался.

Снова звонок. Гурам.

– Ты что – проколоть нас решил? Щенок! Гаденыш! Если тебя через минуту не увижу на улице, тебе хана, скот. Я тогда сам к тебе зайду, и не один.

– Да выхожу я!

...Подъезд, крыльцо, улица, дорога, ржавый «фольксваген». Молодой пацан за рулем.

– Сначала туда-то, затем в аэропорт. Времени нет. Быстро надо. Опаздываю.

– Бабки вперед.

Парень мчится быстро. Из колонок аудиокнига:

– Раскольников... Порфирий Иванович... Лизочка...

Под этот Достоевский мрачнюк возвращаются вчерашние мысли. Вот она, незатейливо и плавно вплелась в мою жизнь

новая сюжетная линия – грабитель банка. Как с этим люди живут? Всегда кажется, что грабители, воры и убийцы это какие-то далекие люди не из твоего круга. Они из плохой семьи и со скверным воспитанием. Не понимающие истинных ценностей жизни. Или же какие-то отморозки, непонятно откуда взявшиеся, насмотревшиеся кино. Впрочем, в кинематографе они все сплошь романтики. Или несчастные, окунувшиеся в ад войны. Всё это далеко. Там где-то. В сводках происшествий, в новостях.

И тут вдруг – хоп! – появляется Гурам.

– Ударить его палкой по голове. Если не отрубится, Генчик его пристрелит.

То есть теперь всё в моих руках. Должен ударить как следует. От души чтобы. Без осечек. Говорят, от этого тоже дохнут. Гурам молодец, всегда знает, как правильно преподать мысль, чтобы она стала доходчива и понятна.

Водила вдруг говорит:

– Улетаешь в хорошее место?

– Почему улетаю?

– Мы же в аэропорт едем вроде.

Я совсем уж запутался.

– Да, улетаю.

– Что ж, желаю тебе, чтобы все перемены в жизни были хорошими. Желаю, чтобы на тебя миллионы свалились, – он широко улыбнулся.

Миллионы! Долги! Что такое долги и почему к ним та-

кое торжественное отношение? Почему я должен кому-то по этой лишь причине? Почему просто не могу им простить? Почему меня мучает совесть из-за этого и не позволяет сбежать? Более того, она не позволяет мне сбежать, но позволяет идти избивать несчастного палкой по голове. Причем именно хорошо должен избить. Иначе его и вовсе убьют. Впрочем, забыл. Я еще вчера, будучи пьяным, задавал себе этот вопрос и уже ответил на него. Ответ прост: я просто боюсь Гурама. Это банально, противно и стыдно. Конечно, он взял меня моими же словами, произнесенными в его присутствии еще с полгода назад: «Моя мечта – ограбить банк!»

Да, у меня была такая мечта. Она и сейчас есть. Но когда вот так вот, как сейчас, то это не похоже на воплощение мечты.

Мечты! Да какая это, к черту, мечта – избить инкассатора!

На светофоре рядом пристроилась ментовская «жизка». Молодые, толстые, здоровые. Шансон слушают. На заднем сиденье явно торчок. Что-то лопочет им. Но они его даже не слушают. Даже цыкают. Молчи, гад, слушать мешаешь.

Через каких-нибудь полчаса им может выпасть гнаться за мной по городу и шмалять в меня из пистолетов. Хотя нет, эти вряд ли. Эти протокол на торчка писать будут.

Телефон звонит.

– Слушаю тебя, дорогой... буду уже через три минуты. Терпи давай. Успею, – поворачиваюсь к водиле: – Опаздываю, браток, жуть как. Ты развернись, пока я ходить буду,

чтобы нам сразу дернуть отсюда.

«Волга» Генчика уже тут. Стоит у подъезда, развернувшись носом на старт. Сам он, увидев, как я выхожу из машины, скрывается в общаге. Я следом.

– Вот смотри, план такой: сейчас пойдем той самой дорогой, которой потом будем сматываться. Запоминай хорошенько, второй раз показывать не буду. Сам виноват. Опоздал, блин.

Он ведет меня через холл к лестнице, спускается на пролет вниз, толкает дверь, затем еще одну и еще одну. Это черный ход. Тут стоит какая-то девка. Генчик подзывает ее. Она заходит, достает из сумки гримерные причиндалы и дрожащей рукой наклеивает на нас усы и бороды. Подсовывает что-то за щеки. Заставляет надеть очки и быстренько убегает. Мы с Генчиком выходим на улицу. Напротив, метрах в пятнадцати забор детского садика. Справа, метрах в пятидесяти здание поликлиники. Генчик направляется туда. Тут тоже черный ход. Входит. Поднимается по лестнице на второй этаж. Ведет меня какими-то витиеватыми коридорами через всё здание. Наконец, останавливаемся у лифта. Пока ждем, Генчик говорит:

– Оттуда только два выхода. Один тот, через который войдет инкассатор, а второй – вот этот лифт. Как только он войдет, ты ударишь его палкой по башке, схватишь мешки и сразу в лифт. Поднимаемся наверх и тем же путем, что пришли, возвращаемся к машинам. Садимся в мою. Если мой водила

не дождется, тогда в твою.

– А если и мой уедет?

– Не уедет.

– А вдруг?

– Тогда прыгаем к Гураму. Он там же где-то стоит. За нами будет присматривать.

Он вдруг смущенно посмотрел на меня:

– Вопросы еще есть?

– Нет. Вопросов нет, дорогой.

– Еще раз так меня назовешь, дам в лицо.

– Понятно.

Генчик всё время говорит немного с опозданием. Как будто тщательно обдумывая каждый свой ответ. Причем его суровые слова абсолютно не соответствуют его ботаническому виду.

– Если ты плохо ударишь и инкассатор не отрубится, я его застрелю. Если ты вообще не ударишь, застрелю вас обоих.

– Круто, бля.

– Круто, – он вытащил что-то тяжелое из кармана, – вот тебе кастет, на всякий случай.

Это была довольно тяжелая штука. Свинцовая. Думаю, не меньше полукилограмма весом. Таким, наверно, можно убить. Все-таки не хочется ему стрелять. Предлагает мне самому, если что, руками добить. Ловко, однако.

Пришел лифт, мы спустились вниз.

Тут-то я и заметил, что у этого типа телефон был с науш-

ником. Вот почему он всё время тормозил и слова его не соответствовали робкой наружности. Оказывается, он всё это время просто повторял чьи-то указания. Скорее всего, конечно, Гурама. И мне стало смешно. Интересно, он действительно сможет выстрелить в этого мужика?

– Всё. Будь готов. Они подъезжают.

Будь готов, будь готов...

Вот в этот миг мне вдруг стало очень-очень, до безумия страшно. Даже коленки задрожали.

– Встань вон там, в углу.

Сам он остался в лифте и держал двери, не позволяя ему уехать.

Те трое клиентов банка, что тоже оказались тут, удивленно на него пялились. Потом стали пялиться на меня.

Через стеклянные двери была видна подъехавшая инкассаторская машина.

До меня наконец дошло, что назад пути нет. Вдохнул глубоко и принял происходящее как данность. Раз уж я тут, значит сделать всё нужно как можно лучше. Я стоял напряженный и решительный, но ноги мои по-прежнему были слабы от волнения, и в животе шумно бурлило.

Что будет после моего удара? Каковы последствия? Какой ужасный оборот может принять моя жизнь? Я боялся не рассчитать удара. Боялся убить человека, ударив слишком сильно, либо, наоборот, ударить слабее и не оглушить его. Всё это было на грани. Мне ничего не оставалось, как пустить

это на самотек, решив, что пусть будет так, как получится.

Вот он появился и идет мне навстречу. Навстречу своей гибели и моей тоже. В голову пришла дурацкая аналогия, что моя палка, как волшебная палочка из сказки: один взмах – и жизнь переменится. Наверно, потому, что именно так это и было.

Пацану лет двадцать. А может, чуть старше. Из армии недавно. В обеих руках по мешку с деньгами, и о том, чтобы дотянуться до пистолета, нет и речи.

Всё произошло за секунды. Парень шел быстро. Как только он прошел мимо меня и оказался ко мне спиной, я сделал шаг в его сторону, перехватил палку поудобнее и начал уже замахиваться, как вдруг в этот момент один из посетителей, что находились в вестибюле, преградил мне путь. Еще секунда, и инкассатор ушел бы из зоны, где я смог бы его достать. Однако я уже весь был в деле. Ни страха, ничего подобного. Только цель. И цель должна быть достигнута. Со мной всегда так, еще с детства, когда я спортом занимался. Ссу до последнего, но как только на ковер вышел – всё, все мысли в деле.

Отпихнул этого козла и, хоть самая благоприятная позиция была потеряна, вновь замахнулся. Инкассатор начал оборачиваться на шум, но не успел.

Ударил куда-то в голову. Куда – точно не видел. Его отбросило в сторону, и он упал, довольно сильно ударившись затылком о каменный пол. На всякий случай замахнулся еще

раз, но понял, что палка моя сломалась. Парень явно был в нокдауне, но в тот момент я этого не понял. Я лишь видел, что он уже пытается подняться, и мне даже показалось, что рука его тянулась к кобуре. Я сильно перепугался такого поворота событий, отбросил обломок палки в сторону и бросился на него. Несколько раз ударил кастетом. Раза два, три. Не больше. Может, четыре...

Кровь брызнула в лицо. Попала в глаза. Это заставило опомниться.

– Мешки хватай, – заорал Генчик.

Я бросился к мешкам с деньгами, схватил их и вбежал в лифт. Краем глаза заметил, как остальные трое посетителей в испуге прижались к стенам. Баба истерично визжала.

Генчик нажал кнопку. Лифт ехал долго. Всего один этаж, но долго. Мы запихали деньги с мешками в специально взятые для этого сумки.

– С дороги, суки, перестреляем всех! – кричал этот дурень. – У меня заложник. Я его убью! – наверно, он был сильно напуган и ему казалось, что эти слова и та интонация, с которой он их выкрикивал, заставит людей шарахаться в стороны и поможет быстрее выбраться отсюда. А может, это Гурам ему такое кричал в ухо? Сидел, сука, в машине и орал, прикалываясь и управляя нами, как будто играя в компьютерную игрушку.

Та минута, в течение которой мы бежали по коридорам к выходу, была чрезвычайно длинной. Я бежал и думал о том,

что она такая длинная, и о том, что теперь со мной будет. Сначала я сильно испугался, а затем меня вдруг охватила дикая эйфория от содеянного, от того драйва, который со мной происходил. От того, что всё получилось! Помню, как сильно билось мое сердце. В крови было столько адреналина, что было даже радостно. Я бежал, мое лицо и руки были в крови, а я улыбался, как дурачок, стащивший пирожок.

Уже на спуске по лестнице мой взгляд вдруг упал на лицо Генчика, и тут я вообще заржал, потому что оно было белым, буквально как бумага. Сильно перекошено, будто в судороге. А мне было смешно. Корявая, смешная рожа ботаника, ограбившего банк. Просто ржач...

Мы выбежали на улицу и уже было бросились к общеаге, как вдруг из-за угла появился человек с пистолетом в руке...

Лора

Это началось в июне, в самых первых числах, утром. Мне позвонил отец, покряхтел в трубку в своей обычной манере, когда собирался сказать что-то не очень приятное, и велел подняться к себе в кабинет.

– Зайди заодно и к Саше, и к Маше. Попроси, чтобы тоже поднялись.

Я зашла к Машке и оттуда позвонила Сашке. Они тоже недоумевали, с чего бы это отцу вздумалось с утра устраивать собрание. Когда наконец поднялись наверх, увидели, что кабинет его полон людьми. Сам он сидел за своим рабочим столом, теребил бородку и что-то говорил начальнику охраны, расположившемуся на диване у окна. На этом же диване сидела симпатичная, хотя, пожалуй, чересчур мускулистая и поджарая девушка, явно спортсменка. Еще двое плечистых молодых парней топтались у окна. Отец был очень хмур. В последнее время дела у него шли не очень хорошо и он нечасто баловал нас своим вниманием. Впрочем, мы относились к этому с пониманием и, зная эти его трудности, старались ему не досаждать. Да и себе дороже было соваться. Потому-то такой ранний сбор и был для нас неожиданным.

Как только мы вошли, отец быстро закончил разговор с начальником охраны и обернулся к нам.

– Здравствуйте, родные мои, – расплылся в улыбке. – На-

деюсь, вы уже не спали и я вас не разбудил. Тем не менее, всё равно извините меня, но позже я не смог бы с вами встретиться. Нужно уезжать через 15 минут. Присаживайтесь куда-нибудь, – он поводил рукой, указывая на кресла и стулья.

Дождался, пока мы усядемся, поворочался еще немного в своем кресле, внимательно оглядывая нас. Наконец, нервно погладил лысину, хлопнул рукой по пузу и негромко начал:

– У меня для вас две новости. Одна хорошая, а вторая так себе. С какой начнем?

– С плохой, – быстро сказал Сашка, угрюмо поглядывая на незнакомых мужчин.

– С хорошей, – сказали мы с Машкой.

– Извини, Саня, уступаю женщинам, – отец вновь улыбнулся и добродушно развел руками. – Итак, дорогие мои, послезавтра мы уезжаем за границу. Куда – точно пока не скажу, не решил еще, но то, что уезжаем, – это точно.

Новость эта была долгожданной и от того еще более приятной, но мы с Машкой наши чувства проявляли сдержанно. Обилие посторонних напрягало и давало повод думать, что всё не так просто с этой поездкой. Сашка же вообще остался невозмутим.

– Теперь давай плохую послушаем, – никак не унимался он. – Уверен, это как-то связано с этими качками, – он бесцеремонно ткнул двумя растопыренными пальцами в парней у окна.

– Не груби, Саня. Сколько можно?! – отец строго на него

посмотрел. – Я не говорил, что вторая новость плохая. Я сказал, что она так себе.

– Ладно, не томи уж...

Отец тяжело вздохнул. С Сашкой последнее время совсем невозможно стало общаться. Лишь я более-менее находила с ним общий язык.

– С этого дня эти двое ребят и эта прекрасная леди будут вашими личными охранниками, – продолжил отец. – Познакомьтесь. Свен и Настя будут охранять вас, девочки. Тебя, Саня, будет охранять Семен. Все они, помимо того что закреплены за каждым из вас в отдельности, будут присматривать за вами всеми. Так что, в случае чего, вы можете обратиться за помощью к любому из них. Я понятно выразился?

Мы оторопело смотрели на своих новоиспеченных охранников и от неожиданности не знали, что сказать. Сашка ухмыльнулся:

– Шпионов засылаешь, да?

Отец опять вздохнул, поправил очки.

– Пойми меня правильно, Александр. Я ни в коем случае не хочу ограничивать вашу свободу. Однако обстоятельства так складываются, что я вынужден поступить именно так. И именно для того, чтобы лишний раз не запирали вас в доме, я приставляю за каждым из вас по охраннику. Все они сильные, натренированные ребята и в обиду вас не дадут. Настоятельно прошу их не обижать и выполнять все их замечания. Я лично проинструктировал их, что можно, а чего нет. От-

несите к ним как к людям, которые выполняют свою работу, а не свою прихоть. По всем вопросам, проблемам, которые могут возникнуть между вами, обращайтесь прямо ко мне. Всё обсудим, всё решим, – отец улыбнулся и посмотрел на Сашку: – Дабы ты, сын, раскованнее себя чувствовал, я специально назначил для тебя Семена. Он такой же любитель покурить марихуану, как и ты. Так что можешь от него не шифроваться. По этой же причине, милые мои барышни, с вами будет работать Настя. Можете с ней решать свои женские секреты. Она хоть с виду и хрупкая девушка, но так подготовлена, что любого мужика в бараний рог скрутит. Да и психолог к тому же хороший. И вообще не парьтесь особо, что мне нужно про вас знать – я и так знаю.

Семен и Настя смущенно улыбались, начальник охраны самодовольно, Сашка ехидно. Свен хмуро молчал. Мы с Машкой по-прежнему растерянно переглядывались.

– Это надолго, пап?

– Думаю, самое большее – до конца лета, но, надеюсь, всё образуется пораньше, – он еще раз оглядел нас. – На этом у меня всё. Если больше нет вопросов, то вы свободны. Сегодня вечером устроим общую вечеринку, чтобы в теплой, семейной обстановке ближе друг с другом познакомиться. Нам теперь жить вместе, потому проще нужно быть.

Все в доме знали, что отец очень боится, как бы мы, его обожаемые девочки, не влюбились в крепких, сильных, красивых, но бедных и тупых парней. Отец считал, что в охране

только такие и работают. Хотя, надо сказать, он неоднократно оставался жив лишь благодаря смекалке и остроумию своих телохранителей. Из-за этого своего страха у него всегда работали взрослые мужчины. По крайней мере лет за сорок. Однако в этот раз так случилось, что никого лучше ему не подвернулось, а ждать больше было нельзя. Пришлось взять таких, какие были, – молодых, только что вернувшихся из армии.

Как-то раз Федор – это наш семейный повар – рассказал Машке, что для того, чтобы обезопасить своих прелестных дочек от посягательств изголодавшихся в армии пацанов, отец устроил новичкам хороший релакс в одном из притонов. Обещал также отдельно выделять на эти нужды и деньги, и время не менее одного раза в неделю взамен на нашу с Машкой неприкосновенность. Удивительный всё же у нас был папашка.

Тем не менее устоять перед нашими с Машкой чарами было не так просто.

Уже вечером, во время стафф-пати, так отец называл вечеринки, где веселились в неформальной обстановке и члены семьи, и все, кто работал в доме, я почувствовала, что Свен просто глаз с меня не сводит.

– Смотри-ка, сестренка, да он любит тебя. Поедает глазами, – шептала мне Машка, которая на этом не одну собачку съела и такие вещи просекала на раз-два.

Я без ложной скромности скажу, что тоже к тем своим

невеликим годам уже была хорошо знакома с мужским вниманием, причем вниманием мужчин, далеко не последних во всех отношениях, – и богатых, и красивых, и умных, потому-то это его любованье вызывало у меня лишь снисходительную улыбку.

Продолжилось это и после. Свен глаз с меня не сводил при каждой встрече, а я подтрунивала над ним и издевалась – то ножку нарочно оголю, то встану как-нибудь поаппетитнее, то нагнусь изящно. А он, бедный, мучился, не хватало ему, видимо, притонов отцовских. Молодой, горячий...

– А что? Парень он видный, только что после армии. Два года женщин не видел, – подтрунивала надо мной Машка, – такое тебе устроит, о-го-го!

Однако лет мне меньше, чем Машке, и интересы у меня тогда были немного другие, поэтому, кроме баловства, я ничего более себе не позволяла.

Буквально через пару дней, как и обещал отец, мы собрались и всей семьей уехали за границу. Во Францию. Поселились на прекрасной, просторной вилле с высоким забором в ста километрах от Парижа и зажили в свое удовольствие. Так нам по крайней мере казалось первое время. Мы с Машкой балдели, ничего не делая, да и Сашка сначала тоже был вроде доволен, но вскоре вновь стал мрачен и нелюдим. Запирался у себя в комнате и просиживал там безвылазно по целым дням. Отец периодически уезжал по делам, то в Россию, то еще куда-то, оставляя нас на попечение охраны.

Под напором Свена трудно было устоять, и вскоре я сда-ла некоторые позиции. Ничего серьезного, конечно, не было, но теперь нас часто можно было видеть вдвоем. Пожалуй, даже чаще всего нас можно было увидеть вдвоем. Свен от-шучивался:

– Я же ее телохранитель.

А я лишь смущенно улыбалась. Да и скучно мне было. А со Свеном хоть какое-то развлечение.

А началось всё уже на вторую ночь нашего пребывания на вилле. Глубоко за полночь, стоя на балконе и любуясь чистым звездным небом, я вдруг услышала со стороны бас-сейна легкое покашливание. Стала прислушиваться. Через некоторое время послышался скрип шезлонга и тяжелый вздох. Время тогда было такое, что постоянно хотелось ка-ких-то приключений. Романтических.

В конце концов, кто это мог быть? Такой же, как и я, че-ловек с томящимся от повседневной рутины сердцем. Мне было скучно, спать не хотелось. По пути заглянув в бар го-стиной,хватила наугад бутылку красного вина и пару ста-канов. Из вазы кисть винограда.

Свен развалился в шезлонге и совсем меня не слышал. Я старалась ступать как можно тише, чтобы застать его врас-плох и внести в свое появление приятную нотку сюрприза. Хорошие сюрпризы все любят, да и атмосферу они создают благоприятную.

То, что это был именно Свен, я поняла, только когда по-

дошла совсем близко. Тогда же поняла, что могла бы не стараться идти на цыпочках. Он был в наушниках, из которых даже мне была слышна какая-то спокойная музыка. Я присела на соседний шезлонг, попыталась открыть бутылку. Хотела, чтобы сюрприз был с полным бокалом вина. Но не вышло. Штопор я не захватила и с пробкой не справилась, только обертку разорвала. Когда у него в наушниках доиграла очередная композиция, толкнула его ногой.

– Открой вино, мужчина.

Он подскочил от неожиданности. Меня разобрал смех. Очень уж был забавен в этот момент мой суровый и сильный охранник. Он быстро сориентировался. Скинул наушники и тоже заулыбался.

– Ох и напугала же ты меня, Лора!

– Нечего спать на посту.

– Это точно. Ты зачем тут?

– Да вот не спится. Увидела тебя, решила предложить выпить немного. Тоскливо мне.

– И мне. Только звезды и спасают. Ты звезды любишь?

– Не получалось увлечься. У нас же их не особенно видно.

Когда на юге была, смотрела. Очень красиво. Но так, чтобы назвать это увлечением, не получается. А ты увлекаешься, что ли?

– Ну, так, чтобы назвать это увлечением, тоже не получится. Просто люблю смотреть на них. Затягивают они сильно, если смотреть на них и при этом отстраниться от нашей жиз-

ни. Такие там просторы несметные! Такая бездна чувствуется. Прет сильно от того, что ты, такой маленький и, в общем-то, самодостаточный, смотришь на всё это, на всю Вселенную, со стороны. Сбоку. Очень прет. А можно наоборот – смотреть как бы изнутри. От настроения зависит. Хочешь попробовать?

– Хочу. Давай только выпьем сначала. Не зря же я сюда тащила это вино.

Свен взял бутылку, покрутил в руках.

– Штопор не взяла?

– Забыла.

– Понятно.

Нагнулся, достал из заднего кармана брюк складной нож. Попытался сунуть его в горлышко, матюгнулся. Убрал обратно. Достал из того же кармана шариковую ручку и ею выдавил пробку внутрь бутылки.

– Давай бокалы.

Налил вино.

– За что выпьем?

– За звезды давай. Раз они тебе так нравятся, давай за них и выпьем.

– Ну, давай.

– Давай на брудершафт. Я ни разу еще так не пила. Мне кажется, ты подходящая для этого кандидатура.

– Я тоже на брудершафт не пил.

– Вот и давай, как говорит один мой знакомый, устроим

обряд инициации.

Мы, как положено, скрестили руки, неуклюже пили до дна, проливая часть вина на себя, и затем поцеловались. Целоваться он умел. После монологов про звезды это уже второй серьезный плюс. Я начала думать, что всё же не зря спустилась сюда. Наконец, собравшись с силами, отпихнула его.

– Не так быстро, – с трудом перевела дыхание. – Показывай давай звезды.

Он пристально смотрел на меня.

– Что? Что-то не так? – я улыбнулась. – Ты же звезды обещал показать.

Свен некоторое время еще смотрел на меня, затем молча встал, пододвинул свой шезлонг вплотную к моему и медленно лег обратно. Я тоже начала укладываться.

– Постарайся лечь так, чтобы тебе ничто не давило и не мешало. Это важно. Звездам ничего не должно мешать, – он накрыл мою руку своей. – Я плохо разбираюсь в звездах и потому расскажу тебе о них так, как сам вижу. Не так, как бы тебе астроном рассказал, а по-простому. Я почти не знаю названий созвездий, кроме самых основных. Да это и не важно. Я всё равно никогда не смогу разглядеть то, чьи названия они носят. Иногда я думаю, что, может, в те далекие времена, когда люди придумывали названия созвездьям, звезды были ближе и фигуры четче прорисовывались. Как облака на небе. Либо же просто от балды придумали все эти названия. Чтобы людей привлечь к небу. Заинтересовать.

Он говорил это тихо и неторопливо, приятным голосом, глядя на небо и держа меня за руку. Ночь была теплой и совершенно спокойной. В ночной тишине был только его голос. Даже ветерок не шумел. Я смотрела на звезды, и приятные мурашки бегали у меня по телу.

– Я звезды по-разному вижу. Наверно, это зависит от моего местонахождения. В большинстве случаев то, что я вижу, представляет собой нечто слоистое, как бы противно это ни звучало. Ближе всего яркие звезды, которые и составляют визуальный костяк созвездий. Этих не очень много. Затем идут звезды поменьше и потусклее. Затем еще мельче, и дальше совсем уж каша. Но это я их так, на фракции разделил, вообще же все эти слои представляют собой единую картину. И именно так к ней нужно относиться. Если зрение настроить определенным образом, как для рисунков «Третий глаз», знаешь такие? Там на первый взгляд мазня какая-то, а если присмотришься получше, то рисунок объемный проявляется. Вот и тут так же. Можно увидеть всё, что захочешь. Любую фигуру, любой образ.

– Вот так, наверно, и придумывали названия созвездиям.

– Может быть. Таких звезд, как тут, я еще нигде не видел. Да что звезды?! Ты подумай, насколько наша планета огромна! Даже сложно представить, насколько огромна. И чего тут только нет. Иногда, лежа и глядя в небо, я думаю о том, что сейчас, в эту же самую минуту и в этом месте я смотрю на звезды, а где-нибудь далеко-далеко, за тысячи километров

от этого места, в безбрежном океане плывет огромный кит и так же, как и я, видит над собой звездное бескрайнее небо.

– Да, это красиво.

– А еще я люблю думать о тех, кто живет в этих космических безднах. О тех, кто сидит так же, как мы с тобой, где-то далеко на планете и смотрит на звезды. И о тех, кто летит сейчас в космических кораблях от одной звезды к другой. Пытаюсь представить их жизнь, их проблемы.

– Ты кадришь меня, что ли, Свен? Байки романтические рассказываешь.

Он усмехнулся.

– Совмещаю приятное с полезным.

– Как это?

– Тащусь от звезд и заодно тебя кадрую. Еще винца?

– Давай.

Он налил. Мы молча выпили, глядя на водную гладь бассейна. Я вдруг почувствовала, что пора бы и мне что-нибудь сказать. Однако, так и не придумав стоящей темы, начала с банальностей:

– Ты чем занимался до того, как к нам попал?

– Охранял партнера твоего отца. А до того в армии служил.

– Учиться не собираешься?

– Хотелось бы, но не знаю даже, на кого учиться. Не определился, чем в жизни заниматься буду. А ты?

– Я первого сентября пойду учиться.

– На кого?

– Тоже не знаю еще. Троечница я жуткая. Особенно-то не выберешь. Отец хочет, чтобы на управленца шла учиться. В государственные чиновники, говорит, нужно идти работать. Мне не очень хочется, да против папаши не попрешь. Придется, видимо, учиться на управленца. Я сказала ему: если заплатишь, чтобы без экзаменов, – пойду. Он ответил, что, значит, пойду.

– Ну, а сама-то на кого бы хотела?

– Да говорю же: не знаю. На артистку, может, – пошутила я, но Свен сказал, что из меня хорошая бы получилась артистка.

– С чего ты взял?

– Красивая.

– Понятно. Слушай, а ты, случаем, не знаешь, кого папаша наш испугался? Зачем вас нанял?

– Да разве такое кто скажет! Нам сказали, что опасность может исходить откуда угодно, даже от невозможных источников. Поэтому должны быть всегда начеку. Не хочется тебя пугать понапрасну.

– Оттого что вас наняли, уже само по себе страшно становится. Папаша-то у нас рисковый. Его просто так не напугать.

– Что ж ты тогда у меня спрашиваешь, раз сама всё знаешь?

– Может, искупнемся?

Свен напрягся.

– Перебудим полдома. Нам бы поменьше шума.

– А кого бояться-то? Отца-то нет. На остальных плевать.

Если кто и пожалуется, так и скажешь, что я вина напилась и собралась в город ехать, но ты меня заболтал и в итоге всё обошлось посиделками и купанием. Из двух зол нужно меньшее выбирать.

– За плавками лень идти.

– А мы без плавок будем. Темно же. Не видно ни зги.

– Чего не видно?

– Ничего, говорю, не видно.

Мы разговаривали с ним о всяком, вместе смотрели кино и, вообще, очень мало разлучались. Когда я пыталась его прогнать, он говорил, что никуда не пойдет. Я ничего не могла с ним поделать, а вскоре и вовсе привязалась к нему. Крутого мужика у меня еще никогда не было, и мне даже начало нравиться ему подчиняться. А потом как-то незаметно и само собой так получилось, что он стал заводилой и я постоянно шла у него на поводу.

Он был не из богатой семьи и не был избалован роскошными интерьерами, подобными тому, который окружал его на вилле. Он от души, как дитя, радовался всем благам цивилизации, что теперь украшали его жизнь. Сначала меня это удивляло и даже веселило, но вскоре я сама, находясь под влиянием Свена, стала на некоторые вещи смотреть по-дру-

гому и даже порой вместе с ним удивлялась некоторым моментам, на которые до сих пор внимания не обращала. Были, правда, у него и отвратительные замашки. Например, когда он начинал меня грузить темой социальной несправедливости. Обзывал отца буржум, барбосом и прочими нелестными прозвищами.

Пару раз Машка мне высказала, что я слишком с ним сблизилась. Но я сказала, что тут и так делать нечего. Выбирать общество не из кого. А Свен, если к нему непредвзято отнестись, так вполне даже хороший парень. Она тогда странно на меня посмотрела, а в следующий раз позволила себе высказаться в подобном пренебрежительном тоне в его адрес и в его же присутствии. Я была ошарашена, так как Машка никогда себе не позволяла бестактностей, но, к своему стыду, не вступилась за Свена. Посчитала, что негоже из-за охранника с сестрой ругаться. Уровни разные. А он только улыбнулся и сказал мне: «Вот видишь, я ведь прав был, когда говорил про вас, буржуинов зажавшихся». Очень мучилась после этого. Совесть покоя не давала.

Но в общем и целом жизнь была беззаботная и приятная, не омраченная этими редкими эпизодами.

Так мы прожили больше полутора месяцев. Изредка, впрочем, выезжали к морю.

Солнце, воздух и вода наши лучшие друзья.

Стишок такой есть популярный. Он тогда частенько звучал из чьих-нибудь уст, порой даже вместо приветствия, так как ввиду атмосферы полной беззаботности был самым актуальным для нас – солнце светило ярко, бассейн огромный, воздух тоже хорош. Вообще, на вилле было вполне ничего, однако так долго на одном месте нам еще ни одно лето не доводилось проводить. Мы, конечно, понимали, что это как-то связано с делами отца и даже наверняка с нашей собственной безопасностью, поэтому старались отнестись к такому заточению с пониманием и отцу зря не досаждать. Еще не забылись те жуткие истории с похищениями детей в семьях нашего круга.

Я знала ее уже тогда.

Трудно поверить, что когда-то Лора была такой девчонкой. Но это правда: Лора, которую мы знаем как предводительницу, когда-то была обычной девчонкой. Наивной и домашней. Из благополучной семьи. С позитивными взглядами на жизнь.

Жизнь ее была беззаботной и светлой. Она выросла и знакомясь с окружающим миром. Ее уже влекли запретные и сладкие плоды, и она уже начинала их осторожно пробовать. Как все мы, как каждый из нас.

Но папочка их сильно берег. Он уже тогда был в отчаянии и не понимал, как их оградить от происходящего. Поэтому

он тогда их туда спрятал. Подальше от всего. Дома-то у них тогда вообще творилось невообразимое. Подготовка уже началась.

Митька

...Митька проснулся на скамейке, во дворе дома неподалеку от бара, в котором работал. Его левое бедро оказалось перевязано окровавленным вафельным полотенцем и слегка побаливало. Нос и губы были разбиты.

Он огляделся по сторонам. На лавочке, расположенной напротив, сидел мужик неопределенного возраста и что-то читал. Заметив, что Митька, наконец, очнулся, он как-то понимающе улыбнулся и протянул ему небольшую, граммов на сто бутылочку коньяка и минералку.

– На, хлебни.

Митька взял и не откладывая сделал несколько глотков. Сначала воду, потом коньяк и потом снова воду. От этого в голове немного прояснилось.

Теперь он стал приходить в себя и узнал мужика.

Тот впервые появился в баре примерно пару недель назад, а потом стал приходить почти каждый день около 9 вечера. Причем заказывал всегда одно и то же.

– Я узнал тебя, – Митька сделал еще глоток коньяка, – Сотка-Гжелки-Кружка-Балтики-и-фисташки!

– Да, это я. Здорово, – мужик приветливо улыбнулся.

– Здорово, коль не шутишь. Это мы с тобой, что ли, вчера куролесили?

На этот раз мужик рассмеялся.

– Нет, дорогой, вчера ты сам с собой куролесил.

Митька попытался восстановить в памяти вчерашний вечер. Всё восстановить не удалось, но кое-что всё же вспомнилось.

Сначала в голове появилась мутноватая картинка, будто он стоит и пристально, через барную стойку смотрит в глаза какому-то мордвороту. Затем изображение проясняется и Митька понимает, что смотрит уже давно – может, минуту или даже больше. В воспоминаниях появляется звук и Митька слышит собственный голос. Говорит он громко и эмоционально:

– Да ладно вам! Достали вы уже своей болтовней про то, какие вы все повидавшие жизнь. По телику вон, – он махнул рукой в сторону телевизора, – звезды вонючие телеэкранные тоже трепяты, будто их уже ничего не удивляет и жизнь потеряла свой сюрпризно-познавательный аспект. Да идите вы в жопу со своими понтами. Могу вот с тобой, например, поспорить, – Митька тыкает пальцем в мордворота, – что даже я, сейчас, сделаю так, что ты сильно удивишься.

Все, кто сидел за стойкой, замолчали и выжидательно посмотрели на мордворота.

В первое мгновение мордворот набычился от такой наглости, но быстро смилоствивился и ответил следующее:

– Я еще раз повторяю тебе, сраный бармешка: я никогда и ничему не удивляюсь. К сожалению, это давно уже в про-

шлом, – он ухмыльнулся.

– Ну так что, спорим? – не унимался Митька. Те, кто его знал давно, поняли, что он порядком завелся и в его голове поселилась какая-то безумная и, как всегда, дурацкая идея. Некоторых это расстроило – они ведь отдыхать пришли, но остальных заинтересовало.

– Ну что ж, давай поспорим.

– На все деньги, что у тебя есть с собой.

– Ладно, давай так, но ты-то что ставишь?

– Да ничего не ставлю. Просто тебя проверим.

– Меня проверять?! Еще б какой-то сраный бармешка мне проверки устраивал! – он с ехидной лыбой глянул на своих корешей и добавил: – Совсем ты охуел, что ли, пацан?

Митька не смутился:

– Хорошо, пусть это будет не спор, но ты ведь только что говорил, что хочешь удивиться и не можешь. Вот я и предлагаю тебе купить удовольствие удивиться. И цена этому – то бабло, что у тебя есть в карманах. Впрочем, если у тебя слишком много, назови сумму поменьше. Мне, в общем-то, всё равно.

Мордоворот, хоть и преуспевающий, но, видимо, еще только начинающий бандюга, слегка затрусил. Он, как и все люди его склада ума, пугался, если не понимал, что происходит. Сейчас была как раз такая ситуация. Однако ударить лицом в грязь перед своими дружбанами, которые слышали весь этот разговор, было бы не красиво. Он не мог себе та-

кого позволить, поэтому согласился. Расстегнул борсетку и картинно вытряхнул ее содержимое на стойку.

Бар был небольшой, и поэтому вокруг быстро образовалась толпа зевак, даже те, кто сидели за столиками, подошли к стойке – всем было интересно увидеть, чем всё закончится. Да и вообще любопытно посмотреть на пьяного в говно бармена. Митька редко нажирался на рабочем месте, но если такое случалось, то скучно никому не было. За эту бесшабашность его любили посетители, а благодаря их любви его до сих пор не выгнали с работы – в его смену выручка неизменно была больше, чем у других барменов.

– Вот. Это всё, что у меня осталось, – как будто оправдываясь, сказал бандюган, сгребая в кучу своими здоровенными ручищами банкноты, рассыпанные по барной стойке, – но, уверен, тут всё же хватит на то, чтобы напоить пивом всех, кто есть в этом сраном баре. Теперь твоя очередь – можешь начинать удивлять.

Мордоворот и Митька пожимают руки – чтобы без обид. Кто-то их разбивает, как будто они всё же спорят.

Митька выпрямляется, хрустит позвонками, достает из-под стойки сумку и со словами «Айн момент» скрывается в служебном помещении.

Вокруг все притихли, лишь из включенного телика доносится какое-то невнятное пение.

А у Митьки тем временем в голове возникает сомнение: «Хм, сделаю или нет? Сделаю или всё ж зассу?»

Он заходит в толчок и мочится. При этом, от волнения и от выпитого, его сильно штормит, и большая часть струи падает на пол. Затем достает из сумки бритву, намыливает голову и начинает ее с остервенением брить. От такой безалаберности многократно режется, и кровь стекает по шее на воротник белой рубашки.

Закончив с бритьем, Митька садится на край обоссанного унитаза, о чем-то задумывается, и лицо его мрачнеет. Он достает из кармана сложенный вчетверо лист бумаги, разворачивает его и после первых же строк начинает всхлипывать, что-то невнятно бормоча себе под нос. Тут вдруг крики, донесшиеся из зала, обрывают его рыдания. Он вытирает руками слезы, успокаивается. Дочитывает бумагу до конца. Убирает ее обратно в карман. Забирает сумку и выходит.

– Эй, ну скоро ты там? Удивляльщик хренов! – орет мордovorot. – Мы хотим удивиться.

Он громко ржет. Зал подхватывает. Кто-то высказывает предположение, что Митька сейчас появится без штанов и этим постарается удивить. Какая-то деваха говорит, что этим ее удивляли лет десять назад, так что сейчас это точно не поканает.

Митька, наконец, появляется.

– Ого! Окровавленная лысина хорошее начало, но этого явно маловато, – кричит кто-то, и все опять громко смеются.

Митьке приходится успокаивать публику:

– Терпенье, бляха-муха, сейчас всё увидите, достали вы

уже меня, – лицо его действительно раздраженное и даже злое.

Он заходит в бар, становится напротив своего оппонента и смотрит ему прямо в глаза. Тот улыбается, но заметно, что уверенности в нем вновь поубавилось. Опасается, как бы его действительно не удивили. Мозги лихорадочно соображают: что сейчас может произойти неожиданного? и как? Фокус какой-нибудь покажет, дурень?

Митька решает, что это самое подходящее время.

Он, не торопясь и всё еще оглядывая собравшуюся публику, засовывает руку в сумку, что-то там нащупывает и вдруг резко выхватывает из нее здоровенный пистолет. От этого резкого движения все синхронно вздрагивают. Случись это в другой момент, Митька, пожалуй, весело бы поглумился над ними, дураками. Но сейчас другое. Он медленно, четко и даже немного по-киношному передергивает затвор, не отрывая своего наглого и циничного взгляда от мордоворота. Звук патрона, посланного из магазина в ствол, слышен во всех уголках зала.

Все тут же обосрались.

Немая сцена.

Лицо мордоворота окаменело. В его глазах испуг. Может, даже ужас.

Но только всего на какую-то долю секунды. В следующее мгновение он вскочил со стула и его рука метнулась за пазуху. Дружбаны его тоже шарахнулись в разные стороны.

Все бандюги думают, будто им всегда угрожает опасность, будто на их жизнь кто-то покушается, будто кому-то нужно их убить. Для них это вроде комплимента.

Митька же в этот момент совсем уже не думал о том, что делал. Выпитое за вечер не давало отступить и придавало решимости. Теперь он уже даже наслаждался своим шоу и действовал очень быстро, почти молниеносно. Рукой смахнул со стойки кружки с пивом. Те с грохотом и звоном попадали на пол, отчего привели окружающих в еще большее смятение. Положил на нее свою лысую голову, прижавшись левым виском. Тут глаза спорщиков встретились, но только на мгновение.

В глазах мордovorота застыл испуг и УДИВЛЕНИЕ от такого поворота.

Глаза Митьки выражали тупое пьяное самодовольство и, возможно, даже восторг.

Однако всё это длилось всего лишь мгновение.

Митька приставил дуло пистолета к правому виску, закрыл глаза и нажал курок...

...раздался щелчок, и ничего не произошло. Кто-то вскрикнул, но остальные по-прежнему продолжали стоять неподвижно, будто в оцепенении.

До Митьки дошло, что он всё еще жив. Он выпрямился. На секунду замер в недоумении и даже в совершенно искреннем огорчении. Тем не менее быстро взял себя в руки.

Передернул затвор. Патрон с лязгом упал в раковину.

К тому времени Митька уже ни на кого не обращал внимания – настолько он был поглощен самоубийством. Он откровенно считал, что должен довести до конца начатое дело, и эта осечка его только разозлила. Патрон у него был только один, поэтому он достал его из раковины, снова зарядил, поднес пистолет к голове... Снова щелчок. Всё это происходит в течение каких-то нескольких секунд, так быстро, что никто из присутствующих не успевает воспрепятствовать этому. Митька в негодовании рычит, вновь передергивает, поднимает патрон, вставляет, передергивает, подносит пистолет к голове. Но тут же опускает вниз и вертит его, удивленно осматривая с разных сторон.

– Надо же, какое свинство, а! Два раза подряд осечка, – Митька так энергично вертит его, что тот вдруг вываливается из его пьяных рук, падает на пол и выстреливает: бабах!..

На минуту всеглохнут от грохота. Некоторые даже присели, девушки завизжали, хватаясь за голову.

От этого грохота и внезапной острой боли в ноге Митька, наконец, приходит в себя и оглядывается. Мордоворот стоит напротив. Рожа у него очень серьезная и очень напуганная, и целится он Митьке прямо в лоб. Рука с пистолетом слегка дрожит.

Митька пристально смотрит на него несколько секунд и вдруг, схватившись за стойку, начинает истерично ржать.

А мордоворот постоял еще немного, убрал пистолет за пазуху, широко размахнулся и ударил Митьке со всей силы по

его смеющейся роже. Ударил так, что тот отлетел в витрину за спиной, сбил несколько бутылок и с грохотом свалился под стойку.

– Этот бармешка совсем дурак, – мордovorот облегченно вздохнул, переводя дыхание. – Мне таких дурней еще никогда не доводилось видеть, так что я, пожалуй, действительно удивлен.

Он развернулся и вышел, оставив деньги на стойке.

Митька схватился за голову.

– Да уж, отвратительная история...

– Ну нет. Ты не переживай так. Всё было очень эффектно, всем очень понравилось, – мужик заулыбался и отдал письмо, – а вот из-за этого стреляться негоже.

– Сам разберусь. Лучше скажи, как мы с тобой-то схлестнулись?

– Никак, я просто шел утром на работу и увидел тебя на этой скамейке. Рядом валялось это письмо, я поднял его, прочитал и решил подождать, пока ты, наконец, придешь в себя. У меня к тебе дело есть.

– Какое еще дело?

Митя, Митя, Митя... Митьку я любила. Вот уж душа человек! Хотя и балбес, конечно, порядочный.

Митя, когда пришел в организацию, был уже парнем бы-

валым. Он много где шлялся, много чего видел, немало чего попробовал. Он не думал о будущем. Не знал, к чему нужно стремиться и кем быть. Он плыл по течению и смотрел во-круг. Ему было интересно, куда его это течение занесет.

Мне любопытно: если бы он вовремя понял, куда его несет это течение, стал бы он грести против течения?

Однако, говоря по справедливости, весь тот Митькин опыт, про который я говорю, в истреблении не очень сгодил-ся. Он даже оружие держал всего несколько раз. Но органи-заторы считали, что для сложных дел у них Свен есть.

Петр

На занятия я не пошел. Прошедшей ночью не довелось поспать и поэтому сейчас просто физически не смог бы пойти учиться. Утром дождался, когда мамаша свалит на работу, поднялся. Нужно сходить прогуляться с собакой, выпить бутылку пива и лечь спать. Попытаться, по крайней мере.

Хлопнул чашечку крепкого кофе, приколотил косяк, наскоро оделся, обулся и пошел с собакой на улицу.

Я давно уже пытаюсь перестать курить эту дрянь, да что-то никак не получается. Просто с ней как-то накуришься и вроде уже чем-то занят. Думы тебя всякие одолевают. А без нее тоскливо. Впрочем, некоторого прогресса мне удалось достичь. На первом курсе гораздо больше курил.

Только вышел на улицу, Нона, собака моя – водолаз, сразу же, не отходя далеко от подъезда, присела и с блаженной собачьей мордой, известной, пожалуй, всякому, у кого есть собака, помочилась. Эта блаженная морда всегда казалась мне смешной. И тогда я тоже улыбнулся.

Странно, то ли утренний воздух и хоть и холодное, но повесенному яркое февральское солнце так благотворно на меня повлияли, то ли еще что-то, но, бредя тогда по парку, я совсем абстрагировался от забот. На время забыл обо всем. Настроение у меня стало на удивление лирическим. Даже хокку придумал, пока курил. Слегка кривоватое, но зато мое лич-

ное и тогда мне очень понравившееся:

Не затягивался я давно.

Огонек затаился внутри косяка.

Так приятно стоять в конопляном дыму.

Помню, солнышко из-за домов еще только-только выползало. Свет его, оранжево-желтый, падал на меня и мою псину и даже как будто немного согревал. Псина шла рядом и, судя по ее морде, сильно радовалась такому утреннему променаду. Обычно ей приходится по полчаса будить меня, для того чтобы я вывел ее на улицу погулять. А тут вот так вышло.

Меня целиком захватили мысли о хорошем, добром, вечном. В том числе, конечно, и о Лоре. Я так сильно от этого притащился, что надолго застыл у какого-то дерева. Но не пришлось стукнуть меня своей мощной лапой и громко тьякнуть, дабы напомнить о себе. За эту беспардонно фамильярную выходку я обругал ее зассыхой и сказал, чтобы отстала от меня. Ей, естественно, как всегда, похую, что я говорю, и она от меня не отстала. Пришлось переместиться на другую полянку.

Тут прогуливался мужик с колли, и собаки, весело гавкая, начали совместную игру. Бегая и кусая друг друга за хвосты.

Мы гуляли уже примерно с полчаса, и я уже чувствовал, что пора было идти домой.

– Нона, домой! Домой идем!

Нона, вообще-то, весьма привередливая псина, но этой команды почему-то слушается. Причем слова эти должны

быть произнесены в строго определенной последовательности и всегда с одной интонацией. Иначе она их не воспринимает. Не знаю, может, в таком сочетании звуки эти хорошо ею усваиваются? Вот и теперь, поняв, что прогулка закончилась, она быстренько нашла себе местечко, чтобы похезать, и побежала в сторону дома. Я за ней. По пути купил чекушку водки – решил выпить перед сном.

Дома разогрел завтрак, съел его, выпил водки. От нечего делать сел за компьютер, заглянул в почтовый ящик. Может, от Лоры что-нибудь свежее пришло. Письмо действительно было. Лора писала:

«Привет, Петруха, драть тебя за ухо. (

Как и писала раньше, скоро мы с тобой, возможно, встретимся. Только сегодня я приехала в город. Сейчас ты спишь, скорее всего, и поэтому звонить не стану. Позвоню завтра днем, т. е. уже сегодня днем. (

Очень хочу тебя увидеть. Есть дело очень в твоём духе. Вернее, не в твоём духе, а в духе твоих фантазий, если, конечно, они не изменились за те несколько месяцев, что мы не виделись.

До встречи на родной земле, мой милый Саперик. (»

Легкомысленное письмо в её манере. Тем не менее, сама по себе новость о её приезде очень хороша. Я даже разволновался. Что, интересно, за дело у неё ко мне, которое в ду-

хе моих фантазий? Что эта сучка имеет в виду? Может, она изменила свое мнение и хочет, наконец, жить со мной? Но мысль эту быстро отбросил как бредовую.

Кинулся набирать ее номер, но он оказался вне зоны действия сети. Придется ждать. Я решил, что мне действительно нужно ложиться спать, чтобы, когда объявится Лора, быть с новыми силами и на многое способным.

Проснулся от телефонного звонка только в 17 часов. На дисплее надпись: «Лора».

– Привет, Сапер!

– Лора! Ух ты! – я сильно обрадовался и даже заулыбался, услышав ее голос. – Т-тысячу лет не слышал т-тебя. Ты приехала? К-как дела?

– Замечательно, Петруша. Всё у меня нормально.

– Д-давай, быть может, встретимся? Т-тысячу лет же не виделись.

Она засмеялась.

– Три месяца всего, Петруша.

– Для кого-то, может быть, т-три месяца, а для кого-то целую вечность.

– Ну-ну, милый мой, не плачь только, я уже тут. Я приехала. И жду тебя.

– Т-так я выезжаю?

– Конечно, я же говорю: жду тебя.

– Всё, уже выхожу.

Я бросился собираться. Члены мои вновь обрели силу, то-

нус приподнялся. Жизнь продолжалась.

Быстро перекусил, оделся. Маманя еще не вернулась, так что мне без лишних разговоров удалось уйти.

Колян

Генчик вдруг резко остановился. В руке у него по-прежнему был пистолет. И пистолет этот вдруг выстрелил. Отвечаю: я видел удивление на его лице. Уверен, он выстрелил инстинктивно и совсем не думая. Скорее всего, просто с испуга. Он даже не справился с отдачей – пистолет выпал из его руки.

Человек, преградивший нам путь, дернулся, кровь брызнула у него из шеи. Он стал заваливаться набок и в этот миг вдруг тоже выстрелил. Генчика отбросило в сторону. Я подхватил его, но всё же не смог удержать и повалил на землю. Пуля попала в голову.

Откуда этот тип там вообще взялся? Позже мне рассказывали, что у инкассаторов, несущих деньги, рация включена на передачу и тот, кто сидит в машине, слышит всё, что происходит. Наверно, и этот услышал и, быстро сориентировавшись, бросился в обход здания. Возможно, они репетируют подобные нападения с возможными отходами преступников и у них есть определенный алгоритм действий. Но лучше бы он не выбежал тогда из-за угла. Целее был бы.

От неожиданности я встал как вкопанный, не понимая, что делать дальше. Просто застопорился, и всё. Смотрел то на Генчика, то на инкассатора. Не знаю, долго бы я еще стоял, но тут вдруг из-за угла выбежал еще один человек, на

этот раз с винтовкой.

– Стоять, сука! Руки вверх!

Я начал было их поднимать, но тут бабахнул выстрел, и человек выронил винтовку, схватился за бок, упал на колени, а затем ткнулся лбом в землю.

У дороги стояла машина Гурама, и он рядом. Крутой гангстер с пистолетом в вытянутой руке.

– Давай быстрее, козел! Быстрее!

Я бросился к нему.

– Сумки возьми, осел.

Развернулся и побежал за сумками. Тот человек, что секунды назад угрожал мне винтовкой, оказался еще в силах вытащить пистолет из кобуры, и, когда я уже поднял одну сумку и нагнулся за другой, он выстрелил. Пуля рассекла кожу на моей голове на правом виске. Я упал. На мгновение подумал, что мне конец: голова прострелена. Потерялся...

Наверное, пуля, что попала в голову, оглушила меня. Однако продолжающиеся выстрелы, а затем крики Гурама: «Да вставай ты, козел» – не позволили отключиться окончательно и быстро привели в чувство.

Приподнялся на локте и оглянулся вокруг. Гурам подбежал к тому человеку и еще раз выстрелил в него. Тот дернулся и расслабленно замер. Склонился над Генчиком, вроде пульс на шее послушал, в зрачок заглянул.

Я же в этот миг как будто видел всё происходящее, и себя в том числе, со стороны, ничего не понимал и действовал

на автопилоте. Скорее всего, как раз благодаря этому и смог благополучно унести оттуда ноги. А то бы Гурам и меня там пристрелил. Рефлексы спасли, черт их дери.

Со второй попытки мне удалось, наконец, встать, и я кое-как, всё еще оглушенный, побрел в сторону дороги. Гурам подхватил меня за руку и помог забраться в машину.

Я как мог зажимал рану платком и натягивал на глаза капюшон от куртки. Голову задрал повыше, так чтобы кровь не стекала по лбу и не заливала глаза. Она тихо струилась по виску и уху за шиворот. Скоро ее набралось столько, что там всё стало горячим и чересчур липким.

Отъехали буквально на пару кварталов и свернули во дворы.

– Выходим.

Пробежали несколько домов. Гурам на бегу кому-то звонил и что-то эмоционально говорил не по-русски. Остановили какого-то бомбилу. Пока ехали, Гурам энергично рылся в сумках с деньгами, до тех пор пока не нашел что-то. Обрадовался, заулыбался и тут же выбросил находку в окно.

– Передатчик, – пояснил мне.

Я сидел и обдирал с себя накладные усы.

Проехали всего несколько кварталов и вышли. Тут в «тойоте» нас ждала та самая девка, что приклеивала усы перед ограблением, Светкой ее звали.

Всё время, что мы ехали, она не переставая ругала Гурама и даже меня за то, что мы ее подставляем. И те несколько

грамм, за которые она Гураму должна денег, не стоят такого риска.

Квартира, в которую она нас привезла, была самой настоящей берлогой. Вся мебель раздолбанная, всюду грязь и несвежесть.

Гурам сказал ей, чтобы перевязала мне голову. Она, продолжая ворчать, быстро и ловко справилась с этим. При взгляде на нее становилось понятно, что она наркоманка, но, видимо, еще не совсем конченная. С небольшим стажем.

Пока она возилась со мной, Гурам уединился в туалете и с кем-то оживленно говорил по телефону. Мне немного стало страшновато из-за того, что они, суки, теперь захотят меня пришить. Но тут же подумал, что если бы им это нужно было, меня бы Гурам прямо там, на месте, и положил бы. Вместе с инкассатором. Странно всё это. Что за благородство – лезть в пекло, чтобы меня вызволять, да еще при этом не брезговать самому людей убивать? Наконец, вспомнил про деньги. Раскрыл одну сумку, глянул мельком. Столько денег видеть до сих пор не приходилось, поэтому на глаз определить сумму не удалось, но понял, что сумма не такая уж гигантская, миллиона два-три рублей. Может, меньше. Цена жизни Генчика и тех двоих. И еще пробитая голова третьего. Взял пачку себе. Подумал и взял еще одну. Дал одну Светке, чтобы Гураму ничего не говорила.

Появился Гурам. Прогнал Светку на кухню, дал ей героина. Усадил меня на диван, сам сел напротив.

– Ну что, Колян, как самочувствие?

– Могло быть лучше.

– Могло быть хуже, – он усмехнулся. – Слушай сюда. Дело серьезное и быстрое. Решать нужно мгновенно. Прямо тут и в течение 15 минут. Готов?

Я кивнул.

– Сам понимаешь, песенка твоя спета. Если тут останешься – сядешь в тюрьму. Без лишних предисловий предлагаю тебе уехать из города. Одному моему знакомому и важному человеку нужен сторож на виллу во Франции. Ты им будешь. Поедешь сегодня. Через четыре часа самолет. Там будешь у него охранником работать на вилле. Безвылазно, в течение нескольких месяцев. Расскажут тебе, короче, что делать. Как получится... Потом посмотрим... За это время тут всё уляжется, а менты вместо тебя поймают какого-нибудь нарка. Я им помогу. Потом по обстоятельствам решим, что делать дальше. Это всё. Скажу, что всё это не просто так было сделано. И деньги эти не для меня и не для того, чтобы просто бабок своровать. Это всё для большого дела нужно. Сам понимаешь: если бы всё так просто было, я бы тебя там же и пристрелил. Но такие, как ты, нам очень нужны. Мы за таких боремся. Больше ничего говорить не стану – всё равно не поймешь. Для того чтобы всё объяснить, времени больше нужно. Чтобы понять – еще больше. Главное – ты сам знаешь, что это для тебя лучший выход. Потом гордиться будешь, что попал в такое дело. Я сейчас пойду на кухню,

выебу Светку, а когда приду, ты должен будешь дать мне ответ. Кончаю я быстро, так что не тяни особенно. Заграницу посмотришь...

Он ушел.

Справедливости ради хочу заметить, что, на мой взгляд, тут Гураму нужно спасибо сказать. Не зятяни он тогда Коляна в ряды организации, и Колян, на мой взгляд, плохо бы кончил. Да и наше дело без его участия могло бы закончиться не столь благополучно.

Лора

Мы с Машкой и Настей плескались в бассейне, Свен и Семен сидели тут же неподалеку под тентом и рубились в нарды. Часам к четырнадцати приехал отец с каким-то мужиком. Они долго не выходили из отцовского кабинета, а потом еще и остались на обед.

По такому случаю Федор расстарался и подал на стол много всякого разнообразного.

Сашка спустился к столу в совсем плохом виде. Волосы взлохмачены, глаза красные, под ними черные мешки. Отец сурово смотрел на него с минуту и наконец сделал замечание:

– Саня, ты бы поменьше сидел в Интернете, а?! Гулял бы с сестрами на свежем воздухе, а то заперся в комнате, как узник. Глаза скоро лопнут от этого монитора дурацкого... на тебя смотреть уже больно, Сань...

Сашка молчал, будто не слышал.

Отец спохватился, что до сих пор не представил своего гостя, и быстро исправился.

– Мой компаньон по бизнесу, – и как-то назвал его, но я не запомнила. Не до него было.

В дальнейшем обед прошел довольно спокойно, почти в полном молчании. Лишь под конец, когда подали десерт, отец вдруг сообщил, что следующие несколько дней, воз-

можно, будут немного напряженными. Могут приезжать разные незнакомые люди.

– Может, они покажутся вам странными или еще какими, но прошу всё же относиться к ним с уважением и терпением. Как к гостям. Насколько я знаю, они сами желают спокойствия и даже одиночества. Потому, думаю, они не станут вам надоедать, и вас, в свою очередь, прошу стараться не мешать им.

Таких речей никогда прежде нам от отца слышать не доводилось.

– Пап, ты чего? Неужели тебе когда-то бывало за нас неловко? – спросила растерянная Маша.

Отец коротко, но многозначительно взглянул на Сашку.

– Конечно нет, мои дорогие.

Мы с Машкой не удержались и прыснули.

Сашка заметил эти перегляды и насупился еще больше.

– И сейчас, думаю, тоже всё будет хорошо, – продолжил отец, – просто предупредил вас заранее, так как гости на самом деле могут показаться странными и, возможно, замкнутыми, а таких у нас обычно не бывает. Поэтому и акцентирую ваше внимание на этом. Мне бы не хотелось, чтобы вы мешали им или, что еще хуже, пугались их нелюдимости. Просто не обращайтесь на них внимания, и всё.

– Звучит интригующе.

– Тем более что сам я, возможно, сегодня или завтра уеду ненадолго.

Вечером этого же дня на виллу, действительно, нагрянули несколько человек, внешне очень сильно похожих на головорезов из дешевых боевиков, и с ними одна отрешенная, отвратительного вида старушенция. Компания действительно странная.

Мы сидели с Сашкой на его балконе, когда они приехали. Головорезы под руки вывели старуху из машины, а наш ночной сторож показал им дорогу к гостевому домику, стоящему чуть в стороне от основного здания.

– Неужели они и жить так будут – трое мужиков и одна старушка в одном доме? – недоумевала я. – Там три комнаты, но всё же. Неужто отец не нашел им еще одну отдельную или даже три отдельных комнаты? В доме же полно пустующих помещений.

– Ты обратила внимание, как бесцеремонно они ее тащили? А тот волосатый еще озирался по сторонам, будто боялся, что за ними следят. Мутные какие-то типы, однако, – Сашка задумчиво затянулся.

Весь следующий день гости почти не покидали своих апартаментов, и поэтому мы так и остались не представлены друг другу. Это уже было действительно очень странно. Приехали в гости и прячутся. Такого еще никогда не было – чтобы неизвестные и даже посторонние люди жили у нас дома совсем инкогнито. Мы с Машкой активно шушукались по этому поводу, придумывая всевозможные фантазии. Приставали к Свену, Семену и Насте, но те утверждали, что и

сами ничего не знают. Отец уехал накануне вместе со своим партнером по бизнесу, сразу после обеда и до сих пор не появлялся. Так что его пытаться не было возможности. По телефону он никогда ничего подобного не обсуждал. В этот раз было то же самое. Машка позвонила ему, но так ничего и не смогла добиться. Отец сказал, что как только приедет, расскажет и объяснит всё, что мы захотим.

Следующим вечером я, пользуясь безнаказанностью по причине отсутствия отца, уже к тому времени сильно поддавшая, спустилась на кухню за еще одной бутылочкой пива и вдруг столкнулась там с одним из них. Время было уже около полуночи. Он доставал из холодильника всякую всячину и складывал на стол. Делал он это быстро и даже несколько нервно. Явно боясь, как бы его тут не застали. Тем не менее, меня он заметил не сразу, и я успела довольно хорошо его разглядеть.

На вид лет 22. На лице мощная щетина, быть может, недельной давности, рубаха явно несвежая, в разводах от пота на спине и под мышками. Видок, прямо скажем, не самый привлекательный.

Когда он заметил меня, слегка вздрогнул от неожиданности да так и остался в том полусогнутом состоянии, в котором шарился в холодильнике. Впрочем, тут же взял себя в руки и довольно мило, сконфуженно улыбнулся, как человек, которого застали врасплох хоть и за не преступным, но невежливым и бестактным занятием.

– Привет.

– Привет, – ответил он по-французски, по-прежнему улыбаясь.

Я сделала вывод, что, скорее всего, он француз, и тоже перешла на французский.

Мне вдруг стало неловко от того, что я не знала, что еще ему сказать. Такие потуги никогда ни к чему хорошему не приводили. Вот и теперь я задала совершенно дурацкий вопрос:

– А почему вы с нами не обедаете?

– Потому что они тупые французишки и их место у параша, – раздался вдруг веселый голос у меня за спиной.

Я обернулась. На пороге стоял наш ночной сторож, Колян. Так его называли Свен с Семеном. Он замахал руками француззу и громко сказал:

– Всё, Жан, вали давай в дом, я сам всё принесу. Давай, давай.

Жан вроде понял его и направился было к двери, но Колян его остановил:

– Ну, куда ты пустой-то пошел? Захвати что-нибудь. Я, что ли, всё вам таскать должен? На, бери.

И он принялся загружать Жана всякими продуктами.

– Всё. Остальное я принесу. Иди.

Он выпроводил Жана и устался на меня:

– А меня почему вы не зовете обедать?

Я стояла, смотрела на этого бесцеремонного человека и

не знала, что сказать. В итоге всё же ответила:

– Просто вы на глаза очень редко попадаетесь.

Он засмеялся. Я поняла, что ситуация действительно смешная, и тоже засмеялась.

– Как вас зовут?

– Лора. Неужели вы до сих пор не знаете?

– Знаю, конечно, но хотелось лично познакомиться. Меня Николаем зовут. Другьям позволено Коляном называть.

Он заглянул в холодильник. Пошарил там взглядом, достал что-то и попытался сложить на поднос. Это у него не получилось, поскольку набрал он много всего, а поднос оказался не очень вместителен и ему было нелегко всё это скомпоновать.

– Давайте я помогу вам.

Я взяла в руки пакет молока и кусок ветчины.

Николай на пару мгновений замер, будто обдумывая мое предложение, и, видимо, решив, почему бы и нет, продолжил укладывать поднос.

Мне было ясно, что сейчас именно тот самый момент, которым ни в коем случае нельзя пренебрегать, если я хочу что-нибудь выяснить про наших гостей.

– Послушайте, Николай...

– Вы, кстати, можете называть Коляном.

Тип, конечно, чрезвычайно наглый.

– Хорошо, – я кокетливо улыбнулась, – Колян.

Игриво глянула на него. Впрочем, сама тут же поняла, на-

сколько это неуклюже и наигранно выглядит.

Тут мне в голову пришло, что они, наверно, вместе. Из одной банды.

– Подскажите, Колян, я так поняла, вы с этими нашими гостями на короткой ноге. Скажите, они кто такие? Почему прячутся от нас?

– Почему? – он вдруг широко улыбнулся. – А я вам скажу. Вы старушеницу видели с ними? Знаете, кто это? Это жуткая и злобная ведьма, которой уже почти триста лет, и она портит европейцам жизнь.

– Тьфу на вас, Николай. Тоже не знаете, что ли? Наглые ребята приперлись в чужой дом, заперлись и даже носа не кажут. Слово «здравствуйте» хозяевам не говорят. Вы же сторож наш?

– Угу.

– Ну тогда смотрите за ними лучше, а то не нравятся они мне что-то.

– Хорошо, госпожа.

Несмотря на то что этот сторож всё время улыбался, вид у него был очень суровый и даже отчасти пугающий. На такой же, как у Жана, мятой рубашке виднелось несколько багровых пятнышек, очень похожих на соевый соус или даже, как мне вдруг подумалось, на запекшуюся кровь. От этой мысли мне стало страшно. В голову полезли разные неприятные фантазии. Впечатление усиливалось тем, что Жан явно побаивался его. Наконец, Николай взял поднос и направился к

выходу. Я пошла следом, намереваясь проникнуть хотя бы в прихожую их домика.

Однако мне даже половину пути не удалось пройти. Жан вернулся, забрал поднос у Николая, а Николай у меня ветчину и молоко.

– Извините, но вам с нами нельзя. До свидания. Увидимся еще. Не переживайте, я за ними присмотрю, – он подмигнул мне и улыбнулся.

Так меня еще никогда не отшивали.

Я вернулась на кухню. С досады схватила не одну бутылку, как планировала, а сразу три и вернулась к себе. Позволила Машке и всё ей рассказала. Больше часа мы проболтали о гостях. Затем, когда ей наконец это надоело, она сказала, что ложится спать. Я вновь сходила вниз, взяла еще бутылку и в надежде кого-нибудь повстречать вышла на улицу и прошлась несколько раз вокруг дома. Уснула уже только в начале четвертого, совсем пьяная, измученная и истерзанная всевозможными фантазиями. Что именно меня так задело в этих двоих, я так и не смогла тогда окончательно сформулировать.

На следующий день первым делом нашла Машку и вновь завела разговор о своей ночной встрече.

– Не пойму, чего они тебе так дались, – оборвала меня сестра.

– Не знаю. Сама задаю себе этот вопрос.

– Ты, что ли, влюбилась в кого-нибудь из них? Я знаю, та-

кое бывает. У меня в твоём возрасте не раз бывало. Увидишь его разок, и всё – втюрилась с первого взгляда. Как дурочка, честное слово. Никак из головы потом не выкинуть.

Машка принялась всячески подтрунивать надо мной, уверяя, что я запала на этого Жана или даже того русского, сама ещё не поняв этого. К счастью, вскоре, задразнив меня вволю, Машка насытилась этим и, перейдя на серьёзный тон старшей сестры, сказала, чтобы я всякой ерундой себе голову не забивала, отец же предупреждал, что гости будут странными. На том и разошлись.

Ближе к вечеру я зашла в гости к Сашке. Проведать, что там с ним происходит.

Видок у него действительно день ото дня становился всё хуже и хуже. Последние пару дней он даже на обед не выходил. Семен начинал уже серьёзно беспокоиться о нём. И постоянно говорил об этом.

Он сидел в кресле на балкончике и, как всегда в последнее время, курил траву. Не понимаю, где он её покупал. Может, с собой из России привез. Не знаю. Я взяла пуфик и пристроилась рядом. Тоже затянулась, спросила, чего он такой в последнее время дурной.

– Курю, наверно, много. Да и обстановочка вокруг никак не меняется.

– Так ты бросай курить.

– Вдобавок ещё отец Семена в охранники подсунул. Он даже косяк приколотить как следует не умеет – вечно фиг-

ня какая-то получается. Крутится только вокруг. Вам вот с Машкой везет.

– С чего бы это вдруг, – я удивилась.

– Вам, наверно, и Семен мой, и Свен ваш гарными хлопцами кажутся. Так и крутятся вокруг, на прелести ваши плятятся. Да и вы, я смотрю, жопами не прочь повертеть перед ними. А про меня им папаша наплел всякого, так они меня за полоумного подростка-наркомана держат, как с придурком разговаривают.

– Тебе не плевать, что ли, на них?

– По большому счету, конечно, всё равно.

– Ну вот и славненько. К тому же ведь Настя есть, – я засмеялась, – помацай ее как-нибудь.

– Да ну тебя. С этой Никитой связываться – себе дороже, – Сашка плюнул. – Зажал я ее как-то разок на лестнице, так она говорит, если еще раз себе такое позволю, по яйцам засветит. Оно мне надо? Девку хочу, а где ее тут взять?

– Перестань, Саша! Опять ты за свое. Расскажи лучше, что за гости у нас? Тебе отец ничего не говорил про них?

Сашка ухмыльнулся, затянулся последний раз и потушил косяк.

– Что мне у отца спрашивать? Что мне надо, я и сам знаю.

– А что знаешь?

– Знаю, что скоро из-за этих ребят тут такое будет, что только держись. Все охуеет.

– Так уж прямо и охуеем?

– Ага.

– Да ладно тебе пугать-то. Я вчера столкнулась с ними на кухне. Вполне нормальные ребята, – но тут же не выдержала и добавила: – Только вот рожи у них немного жутковатые и отвратительные. Зачем они отцу сдались? Тоже мне, друзей нашел, – я говорила, а сама неотрывно наблюдала за Сашкой, надеясь высмотреть что-нибудь интересное в его реакции на мои слова. – Боюсь, может, отцу что-нибудь угрожает, как тогда, помнишь? Уж очень они какие-то странные, эти типы. Заперлись у себя с этой отвратительной старухой и никуда не выходят.

Сашка оценивающе глянул на меня, помолчал немного.

– Тут ты права. Папашка наш вляпался в премерзкую историю.

– Расскажи, Саня! Ну расскажи, а... – я поняла, что ему на самом деле что-то известно, и бросилась его умолять. Сашка он такой, если что-то захочет узнать, то обязательно узнает. Поэтому-то я и пошла к нему – знала, что у него уже был конфликт с ними, а он редко спускал своим обидчикам.

Через полчаса Сашка не выдержал, так как тоже хорошо знал мой приставучий характер. Милостиво согласился открыться, предварительно вытянув из меня клятву молчать обо всем, что узнаю. Я поклялась, он, хищно посмеявшись, усадил меня за компьютер, понажимал какие-то клавиши, подвигал мышкой и, наконец, включил видео.

Сначала на экране появилась стена дома с плотно занавешенным окном. Через минуту шторы на окне раздвинулись и в проеме появился Жан. Он долго, внимательно осматривался, затем скрылся в комнате. Камера наехала крупнее. Стали видны кое-какие детали интерьера, но сразу трудно было понять, что это такое. Но вот резкость настроилась, и стала видна старуха с поникшей головой, сидящая на стуле. Руки неестественно заведены за спинкой. Напротив нее стоял один из этой странной компании. Он что-то говорил и даже жестикулировал. Старуха приподняла голову и тоже что-то сказала. Не успела она договорить, как вдруг он резко, наотмашь ударил ее по лицу. Я от неожиданности даже подпрыгнула. Он ударил ее еще раз, на этот раз ногой, и она упала вместе со стулом. Жан тут же бросился к ней и поднял. Оказалось, что старуха не просто сидела на стуле – она была привязана к нему. Теперь ей в рот запихали кляп. И в этот момент старуха вдруг повернула голову и посмотрела прямо в камеру. Прямо как будто на нас с Сашкой. Глаза ее излучали жуткую злость и ненависть. Я прямо физически почувствовала этот взгляд, даже зажмурилась. Ее ударили еще раз, и она снова упала на пол.

– Спокойно, сестрица, это всё цветочки, – Сашка похлопал меня по плечу, – а впрочем, ягодки я тебе не покажу. Но взгляд-то у нее какой, а? Хоть стены им прошибай. И ведь как будто знала, что снимают ее. Пряма ведьма какая-то, черт ее дери!

Мне тут же вспомнилось, что Колян ее тоже ведьмой называл. Хоть и будто бы в шутку.

А тем временем старуху продолжали избивать.

Камера опять стала наезжать, пытаясь как можно ближе показать лицо несчастной, но ничего не получалось – картинка только стала расплывчатой и нечеткой.

Сашка остановил видео.

– Всё, сестрица, пожалуй, с тебя хватит.

– Какой кошмар! Это происходит в одном с нами доме? Я тут более не останусь. Надо полицию звать.

– Вот такие гости у нашего обожаемого папочки! – Сашка зло усмехнулся. – Он тут, оказывается, гестаповские застенки организовал.

– Ты что! Он наверняка не знает об этом. Надо немедленно рассказать ему.

Сашка скептически ухмыльнулся.

– Успокойся и никому не говори.

– А ты-то, Саня, как смог это снять?

Оказалось, что еще в первые часы, как приехали эти садисты, Сашка, проходя мимо их домика, услышал какие-то странные звуки, похожие на всхлипывания, доносящиеся из-за двери. Он постучал туда. Ему открыли, но внутрь не пустили. На его вопрос «У вас всё нормально?» ответили, что всё у них нормально.

– Что, вообще, может быть ненормального? – вполне откровенно удивился открывший. Но лицо его Сашке не по-

направились. Говорил он с сильным акцентом. Более того, спустя минут пятнадцать ему позвонил отец и убедительно попросил не приставать к гостям и вообще не ходить мимо их дверей, а пользоваться другой дорогой. Это уже было чересчур. Сашка тут же, выждав момент поудобнее, взял свою новую камеру и решил опробовать дистанционное управление. Он отправился в сарай, что стоял напротив гостевого домика, проковырял там где-то дырку, укрепил камеру, как-то там подключил к мобильнику и настроил связь так, что всё это можно было видеть на компьютере. Сначала ничего интересного не происходило – шторы всё время были занавешены, но разок их всё же открыли, и Сашка шанса не упустил.

Я принялась уверять, что об этом нужно немедленно рассказать отцу. Он наверняка ничего об этом не знает. Нужно, чтобы он прекратил это без промедления. Или вообще вызвать полицию.

Сашка посмеялся надо мной и напомнил, что я обещала держать язык за зубами.

– И не переживай, дорогая сестрица, об этом. Я сам сделаю так, что всё это прекратится в самое ближайшее время. Ты, главное, языком не болтай.

– Это хоть всё и очень гадко, но я же тебе слово дала. Хотя теперь и жалею, что связала себе этим руки.

– Лорочка, я просто не всё тебе показал. Но ты поверь мне, если начать об этом болтать или в полицию сразу зво-

нить, то нас, скорее всего, убьют. И отца, может быть, тоже. Всех, кто есть на этой сраной вилле. Если бы ты не связала себя честным словом, я бы тебе и не сказал.

Я сказала, что мне как раз всё равно, что кто-то узнает. Но Сашка настаивал, а я слово дала. Так уж между нами – мной, Сашкой и Машкой – с раннего детства повелось, что если друг другу клятву дали, то всё – нужно делать, хоть кровь из носу. И ни разу никто не нарушал данной клятвы. Поэтому и брались и давались такие клятвы очень редко. И когда речь заходила про клятвы, то это всегда значило, что дело серьезное, а не абы как. Поэтому-то я так сильно переживала, думала, как мне быть. Уж очень, мне казалось, проблема была серьезна, и молчать было никак невозможно, даже несмотря на данную клятву, которая теперь буквально жгла меня изнутри. И я решила, что сейчас не игра. Решила дождаться отца и всё ему рассказать. Или даже не ждать, а позвонить и рассказать.

Я вышла от Сашки и, не в силах удержаться, направилась к этому чудовищному дому. Трудно сказать, зачем я туда шла. Просто мне нужно было что-то сделать, как-то отреагировать на увиденное. Уж очень тот взгляд старухи на меня подействовал. Будто открыл что-то во мне, дверцу какую-то. Я чувствовала, что должна что-то сделать. Я была уже метрах в пяти от двери, как меня вдруг окликнули. Я обернулась. В мою сторону почти бегом приближался Николай.

– Подождите, Лора.

– Я знаю, что вы там делаете с несчастной старухой.

– Я тоже знаю, что они с ней делают. Но откуда вы это узнали? Вот это очень интересно.

Я тут же испугалась за Сашку.

– Откуда надо! Это подло! Даже не подло, а просто мерзко. Что вам нужно от нее?

– Мне – ничего. Я не с ними, хоть так и может показаться с первого взгляда. А у них есть веские причины. По крайней мере, они в этом уверены. Вы папу своего спросите. Он придет сегодня вечером. Вот вы и спросите. Он больше моего знает. Я здесь просто потому, что дурак. И сделать ничего не могу. Да и мне, честно говоря, плевать на эту старуху.

– Отец? Вы считаете, что мой отец в курсе того, что тут происходит?

– Думаю, да. Пойдемте, присядем, выпьем чего-нибудь, – он взял меня под руку и увлек в сторону.

Тут появились Свен с Семеном. Они быстрыми шагами направлялись прямо к нам. Николай сказал почти шепотом:

– Давайте не будем делать скоропалительных движений, не будем никому ничего рассказывать и дождемся приезда вашего отца.

По большому счету во всем, конечно, папаша виноват. Позволил, дурень, этой группе остановиться у себя на вилле. Я достоверно знаю, что он был категорически против их по-

явления на вилле, но Инквизитор каким-то образом его уговорил. Некуда было ту ведьму в тот момент деть. Ради дела папаша детьми рискнул... Я бы своими не рискнула.

Мне рассказывали, какие строгие инструкции давал он этой группе. И, судя по всему, ребята эти инструкции соблюдали. Но папа недооценил своего сына. Саша оказался парень не промах.

Однажды я ездила с ним в лагерь. Он, конечно, младше меня, но как Лориного брата я его тогда уже знала. Так вот он в том лагере прославился тем, что постоянно подглядывал за девчонками в туалете. Под конец его даже стесняться перестали. Знали, что смотрит, и всё равно ходили: «Смотри, Шура, как я могу!»

Пацаны сначала завидовали ему, потом стали дразнить, затем лупить пытались. Но он взял палку и сказал:

– Буду делать, что хочу, а если будете лезть, то я вас палкой стану бить.

Пацаны сказали: «Ну его, сумасшедшего извращенца. Не за нами же он подглядывает». И начали опять его дразнить. Но Сане было всё равно. Это он тогда созрел, наверно, в половом смысле. Когда чуть подрос, поутихло у него это любопытство, но навыков не растерял, как мы теперь знаем.

Колян

Содеянное мной этим утром не вписывалось ни в какие рамки. Порой мне становилось настолько страшно от того, что я натворил, что меня буквально бросало в дрожь. Сидел в кресле и трясся всем телом. И, кажется, не от холода. Пожалуй, подобный страх до тех пор я ощущал только во сне, когда совершал там что-то настолько отвратительное, мерзкое и необратимое, что спасало лишь пробуждение. Теперь я не просыпался, хотя старался и очень желал. От этого становилось еще страшнее, и я совершенно откровенно молился, чтобы всё это было сном. Ужасным, диким, но всё же сном.

Пока Гурам развлекался на кухне, я сидел и думал об этом всем. Было ясно, что сразу после моей фразы «Я не поеду» буду пристрелен, как собака. Так что придется ехать.

Наконец, взял себя в руки, немного оклемался. Поднялся и принялся ходить по комнате из-за невозможности усидеть на месте, но после пары-тройки кругов в ногах образовалась такая слабость, что пришлось вновь опуститься в кресло. Вид Генчика с простреленной головой преследовал меня. Я понял, что нужно срочно переключаться с этих мыслей, иначе совсем соскочу с катушек, если уже не соскочил. Сделав несколько глубоких вдохов, как когда-то нас учил школьный физрук, вроде немного успокоился. Чему быть, того не миновать. За границей я еще не бывал.

Появился Гурам. Морда довольная. Подмигнул мне и направился в туалет.

...Оказалось, он форсировал события. Специально, конечно, чтобы не дать мне опомниться. Уезжать мне нужно было лишь завтра. Он перевез меня на другую квартиру. Сфотографировал, отправил по имейлу мое фото и велел сидеть тут, ждать дальнейших распоряжений.

Спустя четыре часа после его отъезда приехал лысый, мрачный мужик лет сорока, затянутый в кожаную куртку. Он скупо поздоровался, достал из портфеля российский и заграничный паспорт, и попросил расписаться в них. В обоих паспортах были вклеены те самые мои фотографии,

Я чиркнул невнятный автограф.

Лысый засунул паспорт обратно к себе в сумку.

– Паспорт и деньги получишь завтра утром. Наличкой получишь только на карманные расходы. Остальное лежит на карточке. Так что не пугайся. Ее тоже завтра получишь.

– Я и не пугаюсь.

– Ну и молодец. Вот твой новый мобильник. Свой сюда давай.

– У меня Гурам забрал.

– Гурам умница, – он улыбнулся. – Тут, в записной книжке, уже есть все необходимые тебе номера. Своим старым знакомым не звони. Вопросы есть? Если нет, то давай, дружище, успехов тебе. Может, встретимся...

Вопросов я ему никаких задавать не стал, хоть и очень

хотелось. Мне казалось, я так солиднее и более загадочно выгляжу. Пусть думают, что я и сам всё знаю не хуже других, а то решат, что я тут всего лишь пешка, и станут относиться соответственно. Всё равно уже всё решено и придется ехать, даже если тут ловушка и пропасть.

После оперативности с паспортом стало окончательно ясно, что люди за этим стоят действительно серьезные и при желании легко перемелют меня в труху. Куда-то Гурам не туда меня тащит.

Только я принял всё происходящее как неизбежную данность, тут же ощутил почти спортивный интерес к тому, куда всё это заведет. Жажда приключений, несмотря на бурный день и его катастрофические последствия, вновь начала просыпаться. Алкоголь и анаша делали свое дело. Я сам себе удивлялся и, принимая решения, всё чаще применял фразу, вычитанную в какой-то книге: «Еще Наполеон говорил: „Сначала вяжемся в драку, а уж там посмотрим, что делать дальше“». Эта фраза очень мне нравилась. Более того, мне ничего другого не оставалось. Особенно теперь, когда я уже ввязался в драку и теперь просто искал способ из нее выбраться. К той обычной обывательской и мирной жизни, которой я жил совсем недавно, мосты были полностью сожжены. Еще утром.

– Мне осталось только рваться вперед, – говорил я сам себе, взрывая очередной косяк или выпивая очередные 50 грамм.

Больше всего впечатлило то, с какой оперативностью работали эти ребята. Всего лишь днем Гурам сфотографировал меня, и вот я уже расписался в паспорте с той самой фоткой. Фамилию, конечно, эти типы нашли самую идиотскую. Тюльпанов Николай! Специально, наверно, прикалывались надо мной. Причем, насколько я мог судить, паспорт самый обычный – настоящий.

Было понятно, что меня заманили в это грязное и мерзкое дело, пользуясь тем, что сейчас я совсем один и мне даже довериться некому. Там, куда я приеду, со мной могут сделать всё что захотят, и об этом не узнает ни одна живая душа. Элементарно на органы, гады, могут разобрать.

Временами становилось очень страшно, но другого выхода я не видел, и приходилось только надеяться. Главное, они на самом деле сделали то, в чем я на тот момент больше всего нуждался. Мне ведь действительно нужно было оттуда сбежать.

К тому времени, когда я остался в квартире один и ждал дальнейших распоряжений, прошло всего-то час или два после того, как я сам, лично, ударил человека палкой по голове и когда сам же получил пулю в голову. Естественно, ход моих мыслей был не вполне адекватным. И даже алкоголь, от которого я сначала будто бы стал соображать более остро, теперь только затенял или, наоборот, делал чересчур выпуклыми некоторые нюансы. Я был всё еще сильно потрясен тем, что случилось в банке, хотя уже тогда порой мне

казалось это очень далеким. Вчера вечером, когда я думал об ограблении, все мои мысли крутились лишь вокруг двух вариантов – меня либо застрелят прямо на месте, либо там же арестуют. О том, что я после ограбления смогу скрыться и что мне после этого делать, я почему-то не думал. Я только теперь понял, что шел туда как на заклание.

В те времена, когда ограбление банка еще было моей мечтой, мне казалось, что после ограбления я буду чувствовать себя отчасти героем. Ведь я совершил хоть и плохой, но отчаянный поступок. К таким вещам народ еще со времен Робина Гуда и Дубровского относится хоть и с грустью, но уважительно. Человек, который шел на ограбление банка, ступал на опасную дорогу, неизменно ведущую к гибели. Тем не менее, про таких людей говорят: «Они, по крайней мере, попробовали». Как в книжке Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки».

Да, ограбление банка нельзя назвать благородным деянием, но всё же к человеку, совершившему подобное, относятся с симпатией – ведь он хоть на мгновение, но вырвался из этого скучного мира и что-то доказал этим поступком, что-то сделал. Пошел против системы. Против государства. А государство и официальные власти никто не любит.

Однако сейчас я не чувствовал ничего подобного. Более того, я ясно видел, что никакой я не герой, а дурак, за которого взялись некие таинственные ловкачи. Теперь они используют меня на все сто. Я совершенно ясно видел, какое ужас-

ное и непростительное это было мальчишество. Надо было послать этого Гурама вместе с его банком. А еще лучше морду набить.

Сунулся банк грабить. Ограбил, а деньги достались другим. Я не понимал, как такое могло произойти? Как я повелся на всё это? Так по-лоховски позволил себя использовать!

Теперь для меня было очевидно, что никакой романтики в том, чтобы оказаться вне закона, когда на тебя охотится милиция всего города, нету.

Прежняя жизнь рухнула, а новая началась с гигантских проблем и не сулила ничего хорошего. Я вдруг осознал, что у меня совсем нет никакого плана, как выбираться из сложившихся обстоятельств.

Моя воля отчасти была парализована и дезорганизована последними событиями.

Еще когда я бежал по коридору там, в банке, я уже понимал, что это конец. Хотя в тот момент всё еще шло благополучно. Это были довольно странные ощущения, возникшие из-за того, что я перешагнул через некую опасную черту. Но тогда я не осознавал до конца, что это за чувство. Теперь же, спустя несколько часов, мне было понятно, что нормальная жизнь закончена и теперь я обречен. Это как в шахматах, когда ты теряешь по глупости ферзя и уже знаешь, что тебе не выкарабкаться и партия проиграна, но всё же продолжаешь играть лишь из-за того, чтобы просто играть. Тянешь время, играешь ради удовольствия играть. Игра – ради игры. Жизнь

– ради жизни. Теперь уже известно, что жизнь проиграна, и можно творить всё что угодно: я ведь всё равно проиграл. И тут единственное удовольствие, которое может быть, это удовольствие лишь от того, как именно ты будешь дальше жить. Прятаться и скрываться – не самое интересное времяпрепровождение, особенно когда тебе остается жить всего несколько часов, или дней, или недель. Или, если вдруг повезет, и тогда, может быть, лет. Но всё равно не больше. Сил не хватит, бдительность нарушится, глаз замылится... Всё равно повяжут.

Остается рваться и жить на полную, какую только возможно, катушку.

Другого выхода я не видел.

Весь оставшийся день и почти всю ночь так и не смог заснуть. Бродил по квартире из угла в угол и думал о том, что сотворил со своей жизнью. Насколько ее всю перевернуло, и насколько я сам вывалился из нее. Теперь было ясно, какой большой глупостью было то, что я вытворил. Более того, я понимал, что и теперь вновь ввязываюсь в еще большую глупость. Однако другого выхода не видел. В тюрьму не хотелось.

В попытке хоть как-то успокоить себя я вновь и вновь говорил себе, что, может, не всё так плохо. В конце концов, быть может, менты и не узнают, что вторым участником ограбления был именно я. Генчик же не был моим другом. Отсижусь на вилле, пока всё утихнет, а затем посмот-

рим, что делать.

А потом на меня опять накатывала измена, и тогда я был уверен, что уже обречен. Не раз за то время, пока я был в одиночестве, мне приходили такие мысли. Я боялся, что в противном случае, даже если мне удастся скрыться от правосудия, муки совести всё равно не дадут жить полноценно. Понимая также, что шансов скрыться почти нет, я надеялся, что явка с повинной, может, послужила бы смягчающим обстоятельством и мне дали бы поменьше. Опять же на Генчика можно было свалить всё, что только можно. Ему теперь всё равно.

Однако, вновь и вновь взвешивая все за и против, понимал, что сдаваться – это не для меня. Я не раз пытался представить свою жизнь в тюрьме и каждый раз понимал, что такие лишения выше моих сил. Всё больше я склонялся к тому, что скорее наложу на себя руки, чем сяду в тюрьму. Хотя и это было невыносимо страшно, и у меня были опасения, что в нужный момент испугаюсь и не сделаю решающего шага.

И всё же, несмотря на все думы, я знал, что глубоко в душе всё уже решил для себя.

Позвонил Гурам.

– Включи быстрее телевизор. «Сводку происшествий» на втором канале, там сейчас про твои дела показывать будут.

– ...один преступник убит. Двум другим удалось скрыться. Личности их устанавливаются. Всего от рук грабителей погибли двое инкассаторов, еще один милиционер ранен. Он

находится без сознания, но врачи говорят, что его жизнь вне опасности.

На экране возникло тело человека в зеленоватой инкассаторской форме, лежащее на бетонном полу вестибюля банка. От головы растеклась лужица крови.

Как? Двое инкассаторов? Неужели тот парень с мешками денег умер от удара палки? От нескольких ударов кастета? Черт побери! Неужели удар был настолько сильным? Зачем я вообще взял этот кастет?

Я был шокирован. Оказывается, всё получилось даже гораздо хуже, чем я предполагал. Осознание того, что я стал убийцей, не только соучастником, но лично убийцей, вызвало новую, еще более мощную вспышку злости на самого себя. Как я вообще мог сунуться во всё это?

Позвонили в дверь. Столь поздний визит кого бы то ни было сильно напугал меня. Даже более – просто поверг в панику. Естественно, первой мыслью было, что это менты. Но даже если это не так, а просто какой-нибудь мудака, тоже приятного было мало. Я ругнул себя, что не подумал вовремя о конспирации – расхаживал у окна при включенном свете. Меня уже могли видеть. Хотя вряд ли, это же шестой этаж. Но если это менты, то они всё равно сделают то, зачем пришли. Что ж, раз это конец, то пусть будет конец. Как только я решил это для себя, сразу будто огромный груз рухнул с плеч. Терять мне теперь нечего и остается просто жить ради интереса – смотреть, куда же меня еще жизнь занесет. Ведь

даже Ленин в тюрьмах сидел, а стал вождем пролетариата и главой государства. А ведь наверняка, скажи кому-нибудь хотя бы в 1910 году, кем он станет, – никто не поверил бы. Да и Гитлер тоже. Капрал вонючий...

Оказалось, опять Гурам приперся. Рассказал, как мне добраться до виллы, у кого взять ключи и прочую ерунду.

А утром я уехал.

Митька

Бездельничал я недолго, интуиция не подвела – начал искать работу еще до того, как меня уволили.

На самом деле, перед тем как стать барменом в том баре, где меня нашел Максимилиан, я почти два года проработал закупщиком в различных ресторанах и знал всю эту закупочную кухню от и до. Без лишнего хвастовства могу сказать, что мог тогда найти всё что хочешь из жрачки и не только. Если, конечно, это было в Москве или области.

Мне поступали разные предложения из контор разного направления. Кое-куда я съездил, кое с кем поговорил, но ничего интересного не обнаружил. Все эти предложения выглядели не очень заманчиво. Работа у меня тогда еще была, так что я не торопился – ждал лучшего. И дождался.

В то утро, когда я очнулся на улице, после своей заключительной выходки в баре, Максимилиан предложил мне как раз то, что я хотел и давно уже искал. Конечно, сначала мне так не показалось. Я даже немного насторожился. Эта ужасная поговорка про сыр в мышеловке очень пугала, но я знал, что просто так действительно ничего не бывает, так что решил: ничего плохого не случится, если и правда придется чем-то за что-то поплатиться.

Максимилиан предложил мне работать на одного богатого человека.

Работа простая, я должен делать то, что нужно этому богатому человеку, в разумных пределах, конечно. Короче говоря, если называть вещи своими именами, он предлагал мне стать слугой, хотя официально должность называлась – «администратор».

– Ты что, Максим, хочешь, чтобы я ему носки стирал и утку подносил?

– Митя, не смей меня, я предлагаю тебе работать на очень-очень богатого человека. У него есть кому стирать носки, подносить утки и прочее. Твоя же непосредственная работа будет заключаться в том, что ты будешь ему просто помогать делать всякие дела, которые нужно делать, но у него самого нет на них ни времени, ни желания. В частности, тебе придется покупать для него продукты, может, наркоту, может, телок... Если нужно будет. Может, сумочку понести, может, просто посидеть побухать, я не знаю, что еще. Главное, запомни, ты не будешь в роли шестерки, как выражаются эти ужасные урки, ты будешь просто работать у него за вполне, как мне кажется, приличный гонорар и как самый обычный служащий или работник. У тебя даже в пенсионный фонд будут отчисления делать, и в трудовой книжке сделают нужную запись. Переработка оплачивается по трудовому кодексу. Поверь мне, всё будет достойно. Я сам когда-то выполнял такую работу, и, честно говоря, она мне нравилась гораздо больше, чем та, которой я занимаюсь теперь.

– Хм... А почему на такую клевою работу берут меня? –

логично не понимал я. – Больше некого взять? Неужели я самый лучший кандидат?

Максимилиан усмехнулся.

– Да, ты лучший. Я знаю, всё это выглядит довольно странно, но я тебе объясню. Я нашел твое резюме пятнадцать дней назад. Мне понравилось, как оно написано, хотя и довольно необычно, но всё же оно меня заинтересовало. Я навел кое-какие справки, и ты заинтересовал меня еще больше. Тогда я стал ходить к тебе на работу, пить пиво и смотреть на тебя со стороны. С каждым днем я всё больше понимал, что ты как раз тот, кто мне нужен. Вчерашняя твоя выходка окончательно рассеяла мои сомнения, и я решил тебя взять. Понимаю, такой поиск работника выглядит чересчур странно и времени занимает много...

– Действительно, странно.

– Я поступил так, потому что десять лет назад мне самому сделали такое же странное предложение, при не менее странных обстоятельствах. Так что теперь я просто отдаю долг. Не хотел, чтобы на мне прервалась такая чудесная цепочка. А она действительно чудесная.

Подобные слова я уже слышал в одном голливудском фильме, поэтому большого впечатления они на меня не произвели, даже наоборот.

– И что, тот человек сказал тебе эти же самые слова?

– Проницательность – это хорошее свойство. Тебе она понадобится, – Максимилиан наклонился ко мне. – Да, тот че-

ловек сказал мне эти же слова, – он понизил голос и добавил с чувством и интонацией: – «Не благодари меня – я просто отдаю долг», – и засмеялся. – Теперь я сказал их тебе.

Мы поболтали с ним еще немного о моей предстоящей работе, и он великодушно позволил мне подумать недельку, а заодно и ногу подлечить. Негоже, мол, приходить на работу с простреленной ногой.

Через неделю, когда я уже решил, что с этой работой всё обломилось, мне позвонили. Милый девчачий голосок сообщил, что меня будут ждать в ресторане «Беркут» в 14:20. Спросить Андрея Андреевича.

В 14:15 в ресторане было занято всего несколько столиков. Я подошел к бармену, заказал чай и спросил, где тут найти Андрея Андреевича. Тот изобразил на лице ленивую почтительность и кивнул в сторону толстого мужичары, одиноко сидящего за угловым столиком перед раскрытым ноутбуком. Я расплатился и попросил отнести чай к нему за столик. Сам направился туда же.

Наверно, это было слишком самоуверенно – со своим чаем да сразу за столик, но на самом деле я тогда с трудом понимал, как мне нужно себя вести. Да и с похмелья был, честно говоря.

Было видно невооруженным глазом, что Максимилиан не обманул: этот Андрей Андреевич казался порядочным барбосом, и, видимо, куры у него не то что денег не клюют, но

даже смотреть на них уже не могут.

Как только я приблизился к столику, мне преградил путь мощный охранник, поднявшийся из-за соседнего столика. Я представился. Сказал, что мне назначено. Андрей Андреевич кивнул, и меня пропустили. Я сел напротив. Поздоровался. Когда сажился, мельком глянул на экран компьютера и слегка удивился: он рубился в какую-то, судя по интерфейсу, стратегическую игрушку.

Надо же, этот мудила даже в кабаке притащился с компом лишь для того, чтобы поиграться. Увлеченная натура, ничего не скажешь. Говорят, именно вот такие увлеченные и добиваются в жизни того, чего пожелают. Работать – так работать, а играть – так играть.

Официант поставил мой чай.

Я еще раз представился и объяснил цель своего визита. Он в ответ угрюмо, не отрываясь от игры покачал головой.

От такого пренебрежения к своей личности я ощущал себя совсем уж неловко и, дабы хоть что-то вообще сказать, начал ему пересказывать бред про то, где и кем я работал, где учился, где жил и прочую чушь из резюме. Как мне показалось, Андрей Андреевич не очень внимательно слушал меня, но когда мне совсем уже нечего было говорить, он наконец произнес:

– Ну что ж, вот тебе проверочка. У меня банкетик небольшой в ближайший четверг намечается, если справишься – будешь работать, нет – извини. Позвони Клаве, она тебе всё

расскажет. А теперь, если вопросов нет, давай, а то у меня тут бойня серьезная назрела. Увидимся еще, – он протянул визитку той самой Клавы, – может быть.

– Что «может быть»? – не понял я.

– Увидимся, может быть.

Что мне оставалось? Я взял визитку, поднялся и пошел. Чаю так и не удалось попить.

Впечатление от встречи, мягко говоря, было сумбурным, чувствовал я себя дураком. Пока ехал в метро, думал, может, не нужно у такого барбоса работать? И черт знает, может, я на самом деле забил бы на всё это, но Клава сама мне позвонила и сказала, что я понравился Андрею Андреевичу, и просила завтра с утра подъехать в офис. Просто чудеса какие-то! Она довольно толково объяснила, как добратся, была такая любезная и с приятным голосом, что я обещал прийти.

Утром, в 9:30 был в офисе. Клава – как я почему-то и ожидал, оказалась блондиночкой с голубыми глазами и стройными ногами – уже ждала меня. Она немного рассказала про банкет, дала список того, что нужно будет купить, и спросила, сколько надо на это всё денег. Взглянув на список, я слегка охуел, но виду не подал.

– Ну, я могу ошибаться, но так, чтобы с запасом, чтобы точно хватило, думаю, тысяч семь долларов. Если останется, конечно, верну.

Клава засмеялась.

– Ну и ладненько, деньги получишь в бухгалтерии. Пока поедешь с нашим водителем, а если останешься у нас, получишь личную машину.

– Хорошо.

– Успеешь ко вторнику-то?

Я оторопел.

– Как ко вторнику? Мне вроде сказали, к четвергу.

– В четверг уже банкет, причем днем, так что всё нескоропортящееся должно быть во вторник, остальное в среду вечером или в четверг ра-а-а-ано утром. Не мне тебе объяснять. Всё, пока. Вера Николаевна тебя уже ждет. Если возникнут вопросы – звони шеф-повару, вот его номер. Весь список на продукты он составлял. Да и понимает он в этом лучше. Ну и мне, конечно, если что.

В бухгалтерии Вера Николаевна выдала мне десять тысяч. Сказала:

– С запасом.

Я начал подозревать, что мне, наконец, повезло с работой. Поэтому сильно постарался и с банкетом очень хорошо справился. Все остались довольны, и с тех пор началась моя трудовая деятельность в роли слуги.

Сначала я чувствовал себя немного скованно – не понимал, как себя вести и о чем говорить с таким вечно угрюмоватым типом, как Андрей Андреевич. Но через некоторое время всё тот же Максимилиан, видимо, заметивший мое перманентное смущение, отвел меня в сторонку и объяснил,

чтобы я особо не волновался. Он попытался меня успокоить, заверив, что Андрей Андреевич очень веселый человек и выглядит столь угрюмым просто потому, что у него телосложение такое и физиогномика очень пассивная. Да и дела сейчас не очень хорошо идут. Он также заверил, что Андрей Андреевич всё понимает – все шутки, приколы и проблемы, какие только могут возникнуть.

– Впрочем, у тебя еще будет время в этом лично убедиться. А пока просто запомни: он очень хороший человек.

Я ему тогда не поверил. Не получилось почему-то. Но ослабился. В конце концов, раз уж согласился на работу, то чего теперь переживать?

Познакомиться поближе со всеми членами команды мне помог запой, который случился с Андреем Андреевичем буквально на следующий день после нашего с Максимилианом разговора.

– Если запой у Андрея, значит запой у всех, – пояснил мне с довольной улыбкой охранник.

Мне, в соответствии со своей должностью, тоже пришлось участвовать. Тут-то я оказался в своей родной стихии. Большую часть этой лихой недели, проведенной в саунах и подмосковном пансионате, я не помнил. Но то, что помнил, было действительно весело или по крайней мере интересно. Красивые женщины, качественный алкоголь и марихуана, много вкусной и экзотической еды... Мне пришлось подключать все свои старые связи и знакомства, чтобы не уда-

рить в грязь лицом. К счастью, меня никто не подвел и всё прошло благополучно. Я метался по всему городу с кучей денег в карманах и обществе здоровенных парней, у которых пистолеты торчали под мышкой, и пугал своих дружков. Самому мне это доставляло удовольствие. Это было круто.

Во время этого же запоя мне удалось, наконец, увидеть Машу и Лору – прекрасных дочек Андрея Андреевича, о которых я уже много слышал любопытного.

Встреча была не самой радушной – девчонки чуть ли не с кулаками набросились на пьяного отца, попрекая его в таком поведении. Досталось немного и мне. Я был удостоен кучи нелестных эпитетов, но в целом это было смешно. Я ржал от того, как они выступали. Андрей Андреевич тоже прикалывался, и это еще больше заводило дочерей.

Когда, наконец, всё прекратилось, мы осели у них дома на отдых. Андрею Андреевичу было совсем хреново, и он три дня не выходил из своей комнаты.

На второй день ко мне подошел Максимилиан, хлопнул по плечу и сказал:

– Поздравляю, Митяй, ты с честью прошел испытательный срок. Босс сказал, чтобы ты переезжал в дом.

Мне такое предложение сразу же пришлось по душе. В этом доме мне нравилось находиться. И не только потому, что тут не приходилось платить за еду, стирку и жилье. И даже не потому, что тут атмосфера царила очень приятная, беззаботная и благородная. Главное, что мне тут нравилось,

так это дочери Андрея Андреевича. Девочки что надо. Хотя они к тому времени были всё еще обижены на нас – собутыльников их отца – и со мной за те три дня даже словом не обмолвились, я планировал немного пообщаться с ними поближе. С Лорой особенно. Уж очень Маша высокомерная. Впрочем, после Лоры можно взяться и за Машу.

Комнату мне выделили на третьем этаже в самом углу. Окна ее выходили на восток и на юг. Видок из них был ничего, особенно если сравнивать с видом из окон квартиры, что мне доводилось снимать последние полгода. На восток, помимо окна, выходил довольно просторный балкон метра два на три, с маленьким столиком и креслом на колесиках. Размером комната была примерно метров пять на пять. Из мебели тут был письменный стол офисного типа, шкаф-купе, пара мягких кресел и диван-кровать. Помимо мебели – компьютер со всеми положенными аксессуарами, телефон и телевизор на стене. Тоже неплохо, на мой взгляд.

Петр

Впервые я увидел ее у нас в ПТУ. Мне только что наконец удалось окончить среднюю школу, но из-за хронической неуспеваемости не удалось поступить в какое-нибудь более-менее приличное заведение, поэтому пришлось довольствоваться этой шарагой. Впрочем, слушая рассказы своих бывших одноклассников о том, как они старательно учатся и зубрят в своих вузах, я радовался, что оказался именно тут.

Свобода, царившая в ПТУ, после средней школы опьяняла. Учащиеся откровенно жили в свое удовольствие и забивали на учебу. Знакомство с алкоголем и марихуаной открывало совсем новый мир, и они жадно впитывали его своими легкими и желудками. Я не был исключением и старался ничего не упустить.

На дворе уже стояли первые числа октября, целый месяц учебы был за плечами, а Лора только появилась в училище. Излишне говорить, что появление это не прошло незамеченным. По крайней мере мной. Уж это точно.

Большая перемена заканчивалась, но в столовой еще оставалось довольно много народу, в основном те разгильдяи, что сначала бегали в магазин за водкой, пивом и т. д., а потом уже приходили обедать. Одним из них был я. Трудно сказать, зачем я тогда столько бухал. Может, утвердиться хотел, а может, с горя. Горе по большому счету пустяковое, но для под-

ростка – серьезное. Так уж получилось, что в последнее время друзей у меня не было. Школьных потерял, а в ПТУ новыми не обзавелся. Не влился в коллектив. Поэтому и в тот день сидел за столом один. Собирался забухать.

К тому времени я уже спокойно и без каких-либо угрызений совести побухивал в одну харю. Конечно, в том лишь случае, если не было никого, с кем можно было бы поделиться. Но в последнее время не с кем было делиться. Да и мало у меня было, всего грамм 200. Я выставил с подноса свою скромную закуску и уже приготовился налить, как вдруг увидел ее.

Первое, что мне бросилось в глаза, это ее очень-очень коротенькая юбочка. Она лишь слегка прикрывала то, что было выше длинных, стройных и тонких ног. Я даже заметил под этой юбочкой хоть и небольшие, но всё равно приятные округлые линии и белые трусики в красный горошек. Такие, как у кукол, которыми девчонки играют в песочнице. Да и весь вид у нее тоже был отчасти кукольный. Стройные ноги, как я уже сказал, были представлены полностью и во всей красе. Удобные, опять же кукольные туфли с округлым носом и хлястиком. Высокие, почти до колена гольфы. Когда я смог оторвать свой взгляд от этого соблазнительного зрелища и приподнять его чуть повыше, то отметил, что эта смелая девушка под сереньким и слегка помятым свитерком с витиеватым узором не носит лифчика. А надеть его, несмотря на худобу, было на что. Впрочем, небольшого размера.

Двоечка. Максимум троечка. И лишь потом, в самом конце осмотра, я увидел ее узкоглазое, загадочное восточное лицо, на котором без предварительной тренировки трудно прочесть какие-либо эмоции. Волосы у нее черные, сильно разлохмаченные. Вокруг глаз густые темные тени, щеки густо румяные, губы красные. Такого типа девчонок показывают в телепередачах про Японию, но поскольку Лора менее узкоглазая и скулы у нее не настолько выпирают, как у японок, то всё лицо у нее, несмотря на такую раскраску, выглядело более мягко. Более по-нашему. Немного как Марла в «Бойцовском клубе», если вы ее помните. Наверно, она была не чистокровно узкоглазая девчонка. Метиска, или как там таких называют, не знаю. Полукровочка, короче.

К тому времени, когда Лора подошла к стойке раздачи и стала выбирать себе обед, все, кто был в столовой, перестали есть и говорить. Все смотрели на нее: девушки в таких коротких юбках по училищу расхаживают не часто. Она быстро взяла пару тарелок с едой, расплатилась и, наконец, повернулась лицом к залу. Кто-то смущенно отвел глаза и принужденно продолжил прерванную беседу. Кто-то всё еще пялился на нее. Лора принялась недоуменно осматривать себя, пытаясь найти, что же могло привлечь к ней столько внимания. Может, испачкалась где? Затем, будто бы только теперь поняв, в чем дело, лукаво так улыбнулась и окинула взглядом столовую. Я находился за дальним угловым столиком и по-прежнему зачарованно смотрел на нее. Взгляды наши

невольно встретились. Она улыбнулась, подмигнула и неторопливо направилась в мою сторону. Троица ребят, сидевших неподалеку, попыталась завлечь ее к себе, но она лишь махнула им рукой и подошла к моему столику.

Она подошла, остановилась и стояла молча до тех пор, пока я, наконец, спохватился, поднялся и придвинул ей стул из-за соседнего столика.

– П-присаживайтесь, леди, пожалуйста, – выдавил я лучезарную улыбку. Выдавил не потому, что мне не хотелось улыбаться, а просто был сильно удивлен и даже обескуражен. Ко мне за стол девочки никогда не садились.

Лора молча поставила свой поднос и села. Сразу как-то заметно оживилась.

– Привет. Я тут новенькая. А ты из какой группы?

– Из т-триста одиннадцатой.

– Ух ты! Как славно! Я тоже из этой же группы, – она прямо-таки счастливо улыбалась. Зубы у нее белые, ровные, но, пожалуй, слегка щербатые.

– Да ну? Откуда ты взялась, так поздно? Я тебя тут первый раз в-вижу.

Лора уже принялась за свой винегрет, и ей пришлось отвечать с набитым ртом. Выглядело это обезоруживающе трогательно:

– Увлелась на каникулах... Забыла про время, а когда вспомнила, уже полсентября прошло. Потом пока собралась, то да се... Со мной так бывает... – она перестала жевать и

отхлебнула компота, – а с тобой бывает?

– Нет, со мной такого не бывает, – мне показалась забавной такая ее забывчивость.

Тут вдруг, совсем без перехода Лора сделала таинственное, испуганное лицо, подалась вперед и почти шепотом, так что я еле расслышал, спросила:

– Ты что, выпиваешь?

Я удивленно уставился на нее:

– Как узнала?

Лора снова хлебнула компота и сказала:

– Так у тебя по роже всё видно, – и громко рассмеялась, – хватит уже шифроваться, наливай.

Я подождал, пока она отсмеется.

– Т-тоже, что ли, будешь?

– Почему бы нет? Наливай-наливай. Я, правда, со вчерашнего дня еще не отошла, но, говорят, похмеляться помогает для восстановления сил. Как считаешь?

Уверен, все, кто находился в тот момент в столовой, именно так и считали, ибо ежедневно только этим и спасались. Времена в этом смысле у нас стояли аховые. Пили и курили много, чего уж греха таить.

Однако уже пора было идти на урок и тянуть резину было некогда, поэтому я не стал поддерживать ее девчачью болтовню и сразу перешел к делу:

– Т-тебя как зовут-то?

– Лора.

– Стакан есть, Лора?

Она пошарила глазами по столу в поисках стакана, затем мило улыбнулась и, глядя прямо мне в лицо, привстала, потянулась через весь стол и взяла мой стакан. При этом горловина ее растянутого свитера довольно сильно отвисла и перед моими глазами на мгновение открылись ее еще девчачьи груди со светло-розовыми сосочками. Я оторопел от такой, как я понял, преднамеренной демонстрации.

А она села на место и поставила стакан рядом с собой.

– У меня есть, – с вызовом глянула на меня.

Пацаны, что сидели за столиком у нее за спиной, восхищенно присвистнули. Тот вид, что открылся им, когда она нагибалась и тянулась через весь стол, видимо, очень их впечатлил.

Лора обернулась и, всё так же улыбаясь, махнула им рукой:

– Привет, свистуны! Как дела?

Те что-то промямлили в ответ вроде: «Нормально, милашка».

Мне ничего не оставалось, как встать и пойти к буфету за еще одним стаканом.

В то время я предпочитал бухать не по чуть-чуть, как обычно это все делают, а прямо полным стаканом. Наливаешь его почти до краев и залпом выпиваешь. Опьянение наступало внезапно и сильно. Потом шел на лекцию и балдел там, на задних рядах. Поскольку в тот день у меня было чуть

меньше полбутылки, то теперь, из-за появления Лоры, мне пришлось эту заветную дозу, на которую я так рассчитывал, сократить и разделить на двоих. Это не входило в мои планы, и я чуть-чуть расстроился. Всего на мгновение, но Лора сразу почувствовала это.

Она слегка привстала, засунула два пальчика в малюсенький кармашек на своей коротенькой юбочке и достала оттуда кусочек гашиша. Положила его на стол и сказала:

– Не жадничай. Наливай. Потом этим, если что, догонимся.

Я и не пожадничал – на радостях налил ей даже чуть больше, чем себе. Получилось больше половины стакана. Среди наших баб не было ни одной, которая глушила бы водяру такими дозами, и мне было любопытно посмотреть, как с этим справится Лора.

Она взяла стакан и выпила. Поперхнулась, закашлялась, но сдержалась и проглотила всё до конца.

К принятию пищи приступили, только когда прозвенел звонок, поэтому решили не спешить и пойти уже на следующий урок.

Пока ели, а затем накуривались в подъезде соседнего дома, мы с Лорой несколько раз встречались взглядами и быстро отводили глаза. У меня из головы не выходили ее груди, которые она показала мне в столовой. Зачем она их показала? Просто поглумилась над моей явной неопытностью в этом вопросе? Хотела этим меня засмущать? Или она сдела-

ла это для того, чтобы между нами возник какой-то контакт? Ведь нет ничего проще, чем «случайно» показать мальчишке сокровенное и этим заставить его всё время думать лишь только о тебе. А потом можно общаться с ним совсем как своя. К тому времени он уже столько нафантазирует на эту тему, что от него можно брать всё, что нужно. Он всё отдаст в надежде, что эта самая девушка покажет или даже даст что-то невероятное. «Наверно, я чем-то очень интересен, раз она так поступает именно со мной, а не с кем-то другим».

Уже тогда я понял, что эта баба жуткая хитрюга и коварства в ней столько, сколько не у каждой взрослой тетки есть.

В тот раз мне так и не удалось с ней нормально поговорить. У меня почему-то какой-то ступор включился. Я ведь был с жуткого похмелья, и хоть водка с ганджубасом подлечили, но всё же по-прежнему чувствовал себя немного скованно. Да и сильным оказался ганджубас – хорошо вырубил. Мне почему-то в тот раз казалось, что если побольше молчать, а лицо делать суровым, то и выглядеть я буду солиднее. Решил почему-то, что именно таким образом мне удастся оказать на нее наибольшее впечатление. А оказать на нее впечатление мне хотелось уже тогда. Очень она мне понравилась. Красивая она, да и странная. Это притягивало. Почти всё время я молчал, слушал, отвечал односложно и лишь поглядывал на нее...

Наконец, добрались до аудитории. Только мы зашли, все тут же начали пялиться на нас. Я схватил ее за руку и потя-

нул на задние ряды. Лору так накрыло, что она не переставая ржала, чуть ли не во всё горло. Меня тоже торкнуло, но я в отличие от нее был на измене и всё время пытался ее успокоить. Одергивал и сдавленным голосом умолял:

– Да успокойся ты... с-спалимся же...

Удивленные одноклассники стали обращать на нас внимание, озираться в нашу сторону и задавать друг другу вопросы, недоумевая, с кем это там накуренный Петруха так веселится и что это за блядь без юбки.

Вскоре пришла Ирина Викторовна, преподаватель по органической химии и одновременно куратор группы. Она сразу начала урок и лишь через пару минут, привлеченная нашей возней, заметила Лору. Тут же спохватилась:

– Ой, Лорочка, извини, я совсем забыла тебя представить. Ребята, все внимание! У нас с сегодняшнего дня появилась новая учащаяся. Прошу любить и жаловать ее. Лора, выйди к доске, покажись всей группе, какая ты красивая.

Лора вышла в своей юбочке и показалась. Ирина Викторовна, увидев такое, оцепенела. Некоторое время стояла в нерешительности, прежде чем, наконец, собралась с мыслями:

– Неплохо для первого раза, – иронично сказала она и тут же строго добавила: – Ну-ка, выйдем, дорогая.

Они вышли, а обратно вернулась только Ирина Викторовна. Лору отправили домой переодевать юбку. В тот день она уже не появлялась в училище.

...Влилась в коллектив она быстро, но несколько противоречиво. Слава о ней за несколько дней расползлась по всему училищу. Девчонки сразу не приняли ее и почти с ней не общались. Если всё же вынуждены были разговаривать с ней, то говорили с плохо скрываемым презрением. Среди них она почему-то сразу стала изгоем. Впрочем, справедливости ради стоит сказать, что Лора тоже не очень-то стремилась к общению с ними.

Пацаны же, наоборот, определенный интерес у нее вызывали, и те отвечали ей взаимностью. Особенно на первых порах, пока ее не перетрахала половина училища. Говорили, будто в постели она – Звезда. Да, именно так, с большой буквы. Не знаю уж, что бы это значило. Мне она не давала. Помимо прочего, Лора обладала экзотической внешностью, и многие, так же как и я, считали ее очень красивой. Остальные были скромнее в своих оценках, но всё же за дурнушку никто ее не принимал. Главное, что в ней привлекало, – это ее доступность. Для мальчишек 15–18 лет это, пожалуй, чуть ли не главный критерий в оценке женских достоинств. Слухи о ее похождениях возникли почти сразу, как она появилась в училище. И вождедели ее многие.

По прошествии некоторого времени отношение к ней изменилось. Теперь многие считали ее чуть ли не дурочкой. Девушки в разговорах между собой называли ее не иначе как «узкоглазой шлюхой», а после того, как с ней переспало критическое число пацанов, уважение мужской части ПТУ она

тоже потеряла. Однако, судя по всему, это ее не особенно беспокоило. Она продолжала неистово трахаться со всеми подряд, кто еще не брезговал ее потасканностью, нещадно бухать и употреблять наркотики, причем иногда мне казалось, что она не пренебрегала даже героином. Впрочем, тут я не уверен.

Как-то раз я присутствовал при ее рассказе о том, что она будто бы проводит исследование о схожести членов и лиц их владельцев, поэтому и трахается так много. Хиленькая отмазка. Прикальывалась, конечно, стерва.

Однажды, к тому времени уже больше месяца терзаемый муками любви, я в очередной раз услышал, как трое старшекурсников делятся впечатлениями с ребятами помладше о том, какая расчудесная Лора в постели. Одновременно всех их троих ублажила. Наверно, ревность в тот день, наконец, переполнила чашу моего терпения. Я ворвался в эту толпу, размахивая кулаками налево и направо, расшвыривая всех, кто попадался на пути. Драка получилась грандиозная, и неизвестно, какими травмами она бы закончилась для меня, – старшекурсники быстро оправились от столь неожиданного вторжения и уже взяли ситуацию в свои руки, но тут вмешалась Лора, которая до этого момента равнодушно стояла в сторонке и с безразличным видом слушала и наблюдала.

Она вдруг резко, громко и пронзительно крикнула одно лишь слово:

– Стоп!

И все тут же действительно остановились. Как в «Ревизоре» у Гоголя. Выждав немного, пока все придут в себя после такой резкой остановки, она произнесла речь, настолько пронизанную жесткой иронией в адрес всех своих любовничков, что разговоров про ее моральное поведение больше никогда не возникало. Речевые обороты, которые она использовала при этом, были такими развесистыми и хлесткими, что я, пожалуй, никогда больше не слышал такого, хотя не раз бывал в компаниях людей более тренированных в словесных перебранках. Закончив говорить, она подошла ко мне, взяла за руку и увела за собой.

Впоследствии, когда я вспоминал ту ситуацию, именно то ее короткое «Стоп!» поражало меня более всего. Она словно оператору своего собственного фильма это сказала, и он тут же остановил пленку. Мне также не раз доводилось слышать от очевидцев тех событий, что похожее чувство было не только у меня одного, а чуть ли не у каждого из присутствовавших. А народу там было дофига.

После того случая всё изменилось. Даже парни из старших групп сторонились ее, из-за опасения быть ею высмеянными. Охотников до ее плоти резко поубавилось. Даже эпидемия триппера, прокатившаяся по училищу, не вызвала ни у кого желания обсуждать с ней эту проблему. Лора тоже больше не позволяла себе таких публичных выступлений, хотя не раз говорила, что очень хочется. Лишь пару раз, когда некото-

рые, особо мнящие о себе люди действительно доставали ее, она пускала в ход свой острый язычок.

Позже я понял, что сильно ошибался по поводу влияния Лориных речей на публику. Просто банально нашлись внушительные люди, которые объяснили наиболее рьяным говорунам, как себя вести с Лорой и чего про нее рассказывать не стоит.

Вообще, чем больше проходило времени, тем больше странных вещей происходило вокруг.

Наиболее удивительным для меня было, конечно же, то, что она со мной общается. Авторитета у меня среди обитателей училища не было никакого, и до ее появления я мог за весь день ни единым словом не обмолвиться с кем-либо из учащихся. Теперь же благодаря нашему с ней тесному общению и мой рейтинг значительно повысился. Хотя до определенных высот ему всё равно было очень далеко.

Трудно сказать, почему она из всей толпы своих воздыхателей именно меня выбрала своим приятелем. Быть может, просто потому, что тогда в столовой я был единственный, кто взгляда не отвел, а дальше всё случилось просто по инерции. Может, потому, что я держался сам по себе и особо не лез во внутриучилищные тусовки и этим был ей удобен. Может, потому, что вызывал в ней какие-то материнские или по крайней мере сестринские чувства. Она же была старше меня, хотя и всего лишь на год. А может быть, всё было гораздо прозаичнее – просто со мной всегда можно было войти в

долю и не бояться, что об этом узнает вся шарага. Или тут решающую роль сыграл тот самый инцидент, когда я вступился за ее честь и достоинство и произвел благоприятное впечатление. Однако мне хочется думать, что всё это потому, что она нашла во мне немного родственную душу. Пусть не полностью родственную, а хотя бы по нескольким всего пунктам, но всё же. Просто она сама так однажды сказала...

Сам же я влюбился в нее в тот самый день, когда впервые увидел ее в столовой. Думаю, это случилось именно в тот момент, когда она, оттопырив в сторону свой слегка искривленный мизинчик и запрокинув голову на длинной и красивой шее, пила водку из моего граненого стакана. Я сидел тогда и любовался ею, глядя на то, как она, допив, прикрыла губы ладошкой, закашлялась, а потом сидела окосевшая и так непринужденно болтала и смотрела на меня. Любовался в подъезде, когда задувал ей «паровоза» и наши лица были всего в паре сантиметров друг от друга. Я рассматривал ее такое странное, узкоглазое и красивое лицо, а она так смешно делала губки.

Я долго не мог с ней разговаривать. Я лишь любовался ею и балдел от странного чувства, каждый раз охватывавшего меня, когда я находился рядом с ней. В эти моменты я был слишком умилен и восхищен, чтобы говорить. Какой-то странный, еле уловимый, притягательный запах окружал ее или даже настоящая аура, попадая в которую неизменно ощущал пробежавшие по телу приятные мурашки.

Она чувствовала этот мой балдеж и смеялась надо мной. Она не раз говорила, что я кажусь ей смешным.

В общем, всё это лишь мои догадки и предположения. Точно лишь то, что уже в начале декабря нас с Лорой часто можно было видеть сидящими друг напротив друга и весело и увлеченно болтающими.

Однажды Лора сказала:

– Я, Петруша, беру тебя под свое покровительство. Потому как только я знаю, что под твоим лоховством скрывается детская душа романтика и тебе нужна помощь, иначе ты так и останешься в своем радужном мире и он тебя погубит. Либо, что еще хуже, станешь таким же грязным наркоманом и алкоголиком, как все эти мерзкие типажи из нашей шараги.

Я не возражал. Хотя считал ее речь про романтику моей души и то, что я стану нарком, полной чушью. Теперь-то я понимаю, как чертовски она была права. Не будь у меня этой сраной романтики и не крутись я среди этого наркоманского быдла, не встрял бы во всё остальное. Хотя тут, конечно, и ее вины немало.

А однажды, вытянув из меня признание в том, что я в свои 18 лет всё еще девственник, она даже мне отдалась.

Сразу после акта, всё еще лежа в кровати, она сказала мне, обалдевшему и еще не очнувшемуся от пережитого:

– Это, Петруша, для твоего образования только. Теперь ты знаешь, каково это, и на этом прекратим.

Прекратить это у нас, конечно же, не получилось бы. Но

дело в том, что произошло сие феерическое событие за день до того, как она пропала.

Мои и без того болезненные терзания усиливала тайна, которой она окутала себя. По прошествии трех месяцев я фактически ничего про нее не знал. Ни кто она, ни откуда. Несколько раз за ней заезжали странные, но явно очень серьезные люди. Она горячо с ними обнималась, целовалась, садилась в их очень дорогие автомобили и уезжала...

Именно так она покинула меня в последнюю нашу встречу. Зимнюю сессию она не сдала, и ее отчислили. В тот день она пришла зачем-то в ПТУ. Мы вместе пообедали, выпили по 150 грамм, я предложил ей накуриться. Она сказала, что не против, но надо поспешить, потому как за ней скоро должны заехать. Мы вышли на улицу, и в эту минуту прямо ко входу в училище эффектно подъехала крутая тачка. Из нее вышел Дмитрий Голубев, парень из поварской группы, человек, с которым, я знал, она не раз переспала. Они, радостно улыбаясь, обнялись. Дима махнул мне приветственно рукой, спросил у нее:

– Он тоже?

– Нет! Он нет, – торопливо ответила Лора.

Обернулась ко мне и сказала:

– Извини, Петруша, не могу сегодня. Срочно ехать надо. Ты кури без меня. Я тебе позже позвоню.

Села в машину, чмокнула в щечку водителя, Сашку Васильева, с которым у нее тоже был коротенький роман, и уеха-

ла.

Что всё это значило, я не знал. Димон и Сашка забрали документы из нашей шараги за месяц до этого. Причем по порядку, в соответствии с очередностью своих романов. Первым ее отодрал Димон и через пару дней пропал, затем через неделю то же самое повторилось с Александром. Теперь я вспомнил, что было еще несколько подобных эпизодов, когда ребята после коротких романов с Лорой уходили из училища. Некоторые вообще просто пропадали. Не являясь более на занятия. Вспомнил я и шутку одного местного остряка:

– С нашей Лорой – как с Гитлером. С ним, говорят, женщины после проведенной ночи с ума сходили, а после Лоры вообще пропадают.

Всё это странным образом взбудоражило мою фантазию, но ничем толковым объяснить произошедшее я не мог. Особенно странной мне показалась фраза из уст Дмитрия: «Он тоже?» Уж очень заговорщицки это звучало. И откуда у этих оборванцев, детей пролетариев, такая тачка и такой модный прикид?

Через три дня я получил от нее письмо по имейлу, что она уехала к отцу и, когда приедет, не знает. Мне почему-то казалось, что она как-то раз говорила, что у нее нет отца. На мое письмо не отвечала. Телефон ее был недоступен.

Ну, Лора, конечно, Звезда. Кто бы мог подумать, что из той девочки вырастет такая девушка? В ПТУ она свою миссию очень великолепно провернула. А история с Петром так вообще шедевр. Как она его так охмурила?!

Вот Петра я меньше всего знаю, потому история Петра для меня особенно интересна. С одной стороны, вроде нормальный пацан, не лох, и всё такое, а ведь угораздило ж его так влюбиться. Или это оттого, что он в детстве слишком много читал романтических книг? Он рассказывал как-то про это. Ведь поперся черти куда и черти что делать! Думаю, чтобы решиться на такой поступок, нужно быть человеком, у которого само понятие любви настолько высоко стоит в приоритетах, что разум даже справиться с этим не в состоянии. Мне бы такого мужчину. (

Вообще, конечно, Петька извращенец. В душе. В глубине души. Просто он молодой еще был, не понимал прелестей извращений. Но годам к 40 он бы раскрылся в полной мере. Об этом говорит и его болезненная страсть к Лориным пальцам на ногах, и еще одна известная история с его участием, о которой я расскажу чуть ниже.

Колян

Жизнь на вилле мне сразу понравилась. Оказалось, что старый управляющий виллы скончался пару недель назад и на время нужен был кто-то способный присмотреть, чтобы посторонние тут не шастали. Кто-то решил, что я вполне для этой роли сгожусь. Я согласился.

Со временем, примерно через неделю, я настолько реабилитировался, что начал строить планы на будущее. Потихоньку всё произошедшее отступило назад. Немного заветрелось в памяти. Опять же пил я здесь гораздо меньше. Наркоты вообще нет. Только милые арабочки горничные. Восхитительные любовницы. Мозги, короче говоря, немного проветрились.

Здесь было тихо, сытно, комфортно, и делать ничего не нужно было. Я даже почти не выходил за ворота. Валялся целыми днями в шезлонге у бассейна, смотрел телик и попивал пиво. Порой мне так было хорошо, что я признавал, что в этот конкретный момент счастлив. Я думал, может, не зря всё же всё именно так случилось и судьба привела меня сюда?

На двадцатый день пребывания мне сообщили, что завтра приедет хозяин виллы с семьей. Просили, чтобы всё подготовил.

Что тут готовить? Сказал горничной и ее помощнице, что-

бы повнимательнее прибрались и протерли пыль. Распорядился, чтобы поменяли воду в бассейне.

Съездил, заправил машину. Заказал, чтобы в указанное время подали в аэропорт микроавтобус. Как я понял, у них много охранников и прочей прислуги. Судя по вилле, не хилый барбос сюда едет.

Утром встал пораньше, надел одежду попримечнее, привел себя в порядок и поехал встречать.

Всё прошло без сюрпризов, тихо-мирно. Самым серьезным впечатлением были дочки хозяина. Барбоса. Одна почему-то узкоглазая, но такая милашка, что я даже взгляд от нее с трудом оторвал. Вторая тоже красавица, но вполне европейской наружности. Как, собственно, и сам Барбос.

Компания в целом веселая, отношения между членами семьи и персоналом хорошие, простые. Настроение у всех бодрое.

Во всем этом появились и минусы, и плюсы. Среди очевидных плюсов – веселая компания людей, говорящих по-русски. С охранниками особенно быстро нашел общий язык. Среди явных минусов то, что теперь я тут не был единоличным правителем. Распорядок дня и своих привычек пришлось изменить. Подстроить под членов семьи.

Барбос постоянно где-то пропадал и лишь изредка навещался. Девочки держали себя немного высокомерно. Да и не получалось мне с ними как следует пообщаться.

У меня появилась новая обязанность – следить за пери-

метром по ночам. Так что в то время, когда все веселились, я обычно спал. Охрана усиленно создавала вид, что девчонкам есть чего опасаться, и мне приходилось соответствовать.

А потом на вилле появились новые гости. Из-за них-то всё и случилось. Мне они сразу не понравились. И больше всего потому, что меня окончательно притеснили. Выселили из дома для гостей, который я единолично занимал, и переселили в конуру у ворот.

Митька

И хоть мне позволяли участвовать почти во всех попойках Андрея и сеансах ароматерапии – так он называл курение анаши, тем не менее ближе, чем было необходимо для работы, меня не допускали. Я уже понимал, что отчасти я тут еще и за шута. Не в том, конечно, смысле, что я постоянно скomorошничал и ходил в колпаке. Нет. Просто нужен был Андрею такой парень, как я, – молодой, веселый, подвижный и любящий приключения. Я, как и говорил Максимилиан, бегал за водкой в соседний магазин, ездил за элитным бухлом в специальные конторы, занимающиеся продажей этого алкоголя, доставал проституток и анашу, вызывал такси либо нашего водилу, орал на официантов и прочее, и прочее. Вот, в общем-то, и вся моя работа. Большинство из необходимых для такой работы контактов мне выдал Максимилиан. Его все эти барыги, сутенеры и продажные менты очень любили и уважали, поэтому и ко мне, благодаря его рекомендациям, относились соответственно.

Я занимался всей этой фигней, и мне очень нравилось. Во все остальные дела я и сам старался не лезть. Я просто балдел. И был счастлив оттого, что мне так круто свезло с работой.

Но постепенно, чем больше я погружался в жизнь Андрея Андреевича и его окружения, странностей, связанных

с ведьмами и магией, становилось всё больше. Я сначала совсем не придавал этому значения, хотя однажды уже выполнял для Андрея одно поручение – узнавал, сколько в нашем районе живет ведьм и адрес одной из них.

Первые странности появились на втором месяце работы. Тогда впервые Андреевич завел со мной разговор про ведьм. Даже не завел, а просто упомянул. Поговорил с Максимилианом по телефону, повесил трубку и сказал:

– Как достали эти старухи. Какое счастье было бы всем нам, если бы они все передохли.

Я спросил, каких старух он имеет в виду.

Он коротко сказал:

– Ведьм.

Тогда я значения этим словам не придавал.

Однажды с братом одного из наших водил случилась жуткая история, потрясшая нас всех. Тот покончил с жизнью из-за ведьмовских наговоров. Самого этого водилу и семью его брата Андрей отправил в Новую Зеландию для реабилитации.

Примерно через пару дней после инцидента я зашел в комнату, где сидели охранники и водилы. Встал у окна и стал листать инструкцию к новому мобильнику. Разговоры шли про всякую ерунду, пока вдруг разговор не пошел об этой истории с братом Витька. Среди нас был один новенький охранник, который был не в курсе событий и попросил рассказать поподробнее, что случилось. За рассказ взялся сам

Максимилиан.

Когда он говорил про ведьм, злобой от него так и пыхало. Он их даже никак иначе не называл, кроме как тварями и гадинами.

Перед рассказом Макс сильно нахмурился и уткнулся взглядом в свой уже поднятый над столом стакан с водкой, как бы сосредотачиваясь. Он сидел так чуть ли не с минуту, затем жадно выпил одним глотком. Крякнул, занюхал рукавом.

– Брат у Витьки был. Жил не тужил, добра наживал. Семью имел, детей, малых совсем. Да вот как-то остутился по пьянке – согрешил с коллегой своей. А эта дура возьми да и влюбись в него по уши. Он-то ей говорит по-простому: отстань, дескать, Любка, от меня. Перепихнулись по пьяни и будя. У меня ж, говорит, и дети, и жена. Не могу я их оставить... А та, сука, пошла к местной бабке одной – славилась та в округе заговорами всякими и прочими чудесами. Сговорились они, что приворожит бабка брата Витькиного к этой девке. И вот итог... Мучился он долго, разрывался между супругой своей законной и любовницей этой. Витька рассказывал, напились они с ним как-то вдвоем, брат ему и говорит: «Не могу больше так. Разумом понимаю, что с женой должен быть, с детьми. Там мой дом, люблю их сильно, а как уйду от этой, так сразу ноги обратно туда несут. Физически не могу без нее, как будто курить бросил». Совсем голова у брата замутилась... Витек потом сокрушался, что не при-

дал этому его откровению большого значения. Сам влюблялся, знал, каково это бывает. Кому могло в голову прийти, что так всё закончится.

Макс рассказывал, а сам смотрел в стол, вертя в руках свой стакан. Видно было, что эта история сильно его зацепила. С Витьком они были дружны, да и братана его он тоже знал лично.

– Вскоре на работе у него проблемы начались. Ничего делать, ни о чем думать не может, только обо всем этом. Загонять стал по-страшному, пить, буяннить, совсем, короче, с ума сходил... Слухи поползли разные... До жены дошло. Скандалы! Жена его, Анастасия, тоже настрадалась, конечно, так, что не дай бог кому, пока он шарахался незнамо где до поздней ночи, а то и до утра. Но она молодец, всё выдержала... А потом он плюнул на всё. Сжал сердце свое в кулак да и залез в петлю. Так вот и получилось, что и девке той гадской он не достался, и вдовушку свою с двумя сиротами оставил... А всё ведь от приворота того ведьмовского. Девка та сама потом признавалась. Мы с Витьком чуть было не грохнули ее тогда. Чудом сдержались. Да и хорошо, что сдержались, на третий день сразу после похорон она тоже повесилась. Ну а старуху ту Витек всё же замочил. Подпер дверь бревном да подпалил хату. Сгорела тварь со всем своим колдовством...

– А ведьма-то при чем? Ее-то за что он загасил? – спросил тот самый новенький, который просил рассказать эту исто-

рию.

– Как это за что? – у Максимилиана даже лицо вытянулась.

– Она сделала лишь то, о чем ее просили. Это то же самое, что винить пистолет в том, что из него человека убили, а не того, кто стрелял из этого пистолета.

– А что пистолет? Пистолет – это всего лишь железка, – вступился один из охранников. – Он и правда не думает, куда стрелять. А ведьма, она не железка – должна знать, что можно делать, а чего нет. Мозги-то у нее есть!

– Всё равно, тут ее вина лишь косвенная, она тут только орудие.

– Как это, косвенная? – Макс резко рассвирепел. – Это то же самое, что сказать, будто на всех фашистах вина косвенная, потому как им Гитлер приказал убивать.

– Это совсем другое.

– То же самое.

– Ладно. Другой пример. Это то же самое, как если бы у тебя был пистолет, а я подошел бы к тебе и говорю: «Давай Серегу застрелим». Ты взял и пульнул в него. Что, по-твоему, тут тоже не ты, а я виноват? Это же я тебе предложил грохнуть его!

Макс продолжал напряженно, агрессивно и даже с некоторым удивлением пялиться на посмевшегося воспротивиться его мнению новичка. По его лицу прошли какие-то странные колебания. Было заметно, что в голове у него закипал

серьезный мыслительный процесс.

– Нет, я ничего не имею против того, что вы ее убили, – продолжал новичок, увидев реакцию Макса, и примирительно улыбнулся, – хрен с ней, так ей и надо, но ведь это та девка была во всем виновата. Это она заставила ведьму приворожить Витькиного братана, – новичок сделал внушительную паузу, на протяжении которой пристально смотрел Максу в глаза, как строгий учитель непонятливому ученику. – И я бы ее тоже убил, как и ведьму. Я к тому это сейчас говорю, что иногда мне кажется, подчеркиваю – иногда, что мы выбрали слишком простой и радикальный способ. Может, правильнее было бы воспитывать людей должным образом. Так, чтобы они просто не верили в колдовство. Тогда бы им даже в голову не приходило идти к ведьмам, а если и верили, то не опускались бы до такого. Мы должны дискредитировать ведьм. Сделать так, чтобы люди воспринимали их не более чем сказочных персонажей. А мы своим поголовным их истреблением можем добиться того, что люди решат совсем по-другому. Они могут подумать, что раз ведьм убивают, значит они правда умеют колдовать и это колдовство действительно. Значит, нужно им воспользоваться. И кинутся к оставшимся магам за помощью.

– Ты на самом деле так думаешь?

– А почему бы и нет? Такой ход вполне возможен.

– Ну а как ты дискредитируешь ведьм, если колдовство на самом деле есть и сила его огромна?

– Откуда я знаю? Я сейчас просто озвучил одну из возможных точек зрения на эту проблему, в надежде, что кто-то из вас сможет мне как-то ее пояснить. Сам-то я больше склоняюсь к нашему решению этого вопроса. Поэтому я среди истребителей. Так как правильный процесс, мне кажется, – слишком долгий процесс. А ждать уже сил нет. Поэтому я тут, среди вас. Хотя совесть меня мучает. Более того, у меня нет такого серьезного счета к ведьмам, как у Витька, например. Я тут по другим причинам.

– Вообще-то, ты, Саня, прав, пожалуй. Во всем люди сами виноваты, – согласился вдруг один из охранников, разливая водку по рюмкам, – и всё же не так тут всё просто. Это как вот оружие в США – почти у каждого есть, так там и убийств больше, чем у нас. Оружие в руках соблазняет пальнуть из него. Это точно.

Саня поддакнул.

– Информационная пропаганда тоже ведется, вы не думайте, – вставил Максимилиан.

– Соблазны лучше убирать от нашего слабохарактерного среднестатистического обывателя подальше, – поддакнул водитель Максимилиана. – Ладно, давайте выпьем...

Выпили...

Тогда я впервые услышал про истребителей и вообще столько нового и непонятного, связанного с ведьмами. Наверно, из-за того, что нас в тот момент было в столовой очень много – примерно человек десять или двенадцать – и я дер-

жался чуть в стороне, меня не заметили и говорили не стесняясь. Думали, что я такой же, как они все и в курсе дел. Тогда меня больше всего поразило не то, что они говорили про ведьм и про каких-то истребителей, а то, что Виктор, которого я неплохо уже знал и много общался по работе, убил какую-то старуху.

Лишь когда мы выходили из комнаты, Максимилиан увидел меня.

– Ого! Ты что, всё время тут был? Ну, теперь, значит, дороги у тебя назад нет, дружок. Будешь одним из нас.

Можно сказать, что вот так я и стал одним из истребителей ведьм. Сначала думал, что благодаря тому случаю, но позже понял, что это было лишь вопросом времени. С каждым, кто попадал к Андрею, не могло быть иначе.

Другого выхода у меня не было.

Тут Митька абсолютно прав. Просто так к Андрею Андреевичу было не попасть. Приглашая Митьку на работу, Максимилиан уже имел на него вполне определенные виды. Разница лишь в том, что тогда они, по-моему, не планировали использовать его в качестве рядового истребителя. Они какую-то другую роль ему готовили. Адьютанта. (Всё изменилось после того, как Андреевич погиб на вилле под Парижем. Некоторые связи рухнули, и пришлось для черной работы привлекать весь более-менее адекватный персонал. Вплоть

до рекрутов из ПТУ.

Митька рассказывал, что всё это делалось на удивление легко. Люди запросто соглашались участвовать. Денег на них не жалели. Однако под конец, из-за нехватки человеческого ресурса в организации, стали набирать всех подряд вплоть до уголовников и наркоманов, благо они за свое участие не дорого брали. Впрочем, пэтэушная молодежь тоже оценивала себя довольно скромно. Они в силу своего возраста еще не знали истинную цену жизни и деньгам. Это вот нашим героям так повезло с оплатой, потому что они были близки к верхушке (если это, конечно, была верхушка; о том, кто стоял у руля, мы уже вряд ли когда узнаем) и Лора выбивала для них максимально возможное вознаграждение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.